Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
(ed.and tr.)
Испанскія народныя пѣсни.

Title transliterated:
Ispanskiya narodnuiya pyesni.

Д. Бальмонтъ.

панскія
народныя
пѣсни.

Любовь и ненависть

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Пасси-Бретань.
Весна-Осень.
1911.
К. Бальмонт

ИСПАНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ.

1. Испанецъ—пѣсня. 2. Влюбленность. 3. Нѣжности. 4. Ревность. 5. Признанія. 6. Сѣтованья. 7. Ненависть и презрѣніе. 8. Серенада. 9. Колыбельныя пѣсни. 10. Изъяснительныя замѣчанія.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

Испанецъ — пѣсня.

Отъ рѣчи мы требуемъ логики, отъ пѣсни—полета. Рѣчь есть разумное строительство, пѣсня есть срывъ и безуміе. Неумѣстны въ рѣчи вскрики, въ пѣснѣ хороши всѣ вопли, когда они музыкальны. Взгляните на Испанца, какъ на пѣсню,—вамъ все будетъ понятно въ его нравѣ и въ его фантастической исторіи. У Испанца одна только логика — логика чувства, у него одно лишь построеніе — планъ войны, которая все разрушаетъ, онъ весь въ порывѣ, въ безумьи хотѣнья. Взглянуть, пожелать, побѣжать, схватить. Отмѣтить чужое какъ свое. Завладѣвъ, разметать, и остаться, какъ прежде, вольнымъ и нищимъ. Одинъ лирическій взмахъ.

Испанскій языкъ — самый пѣвучій и красочный изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ. Змѣино - вкрадчивъ и внезапно-мужествененъ. Женски-лукавъ и рыцарски-прямъ. Сладокъ какъ скрипка и флейта, а вдругъ въ немъ бой барабановъ. Влюбитъ — и стрѣлы пускаетъ отравленныя. Поцѣлуетъ — и острымъ взмахнетъ лезвеемъ. Такіе есть въ Мексикѣ цвѣты,—къ нимъ нельзя прикоснуться, не обрѣзавшись и не исколовшись.

Въ Испанскомъ языкѣ есть вся напѣвность нѣжной Итальянской рѣчи, но еще въ немъ чувствуется жгучій вѣтеръ, прилетѣвшій изъ Африки, дикій порывъ Араб-

ской стремительности, мѣшающій ему стать изнѣженнымъ и вѣчно напоминающій о битвахъ. Въ немъ есть также дуновенія древнѣйшихъ Иберійскихъ вліяній, уводящія насъ вовсе отъ нашихъ дней — къ алымъ зорямъ и расцвѣтамъ Атлантиды.

Испанецъ не похожъ на Европейца. Въ немъ есть что-то, что дѣлаетъ его совершенно инымъ. Глаза, которые видятъ, руки, которыя берутъ, воистину берутъ. Во всемъ цѣльность и непосредственность прикосновенія. Онъ душой осязаетъ, какъ мы осязаемъ тѣломъ. Словами цѣлуетъ. Плыветъ въ пустынныхъ моряхъ Испанскій корабль, видятъ матросы островъ, женскія лица на немъ, а гдѣ же мужчины? Ихъ нѣтъ, и Испанецъ со смѣхомъ и дѣтски дивуясь воскликнулъ: „Mujeres!“ „Женщины!“ Кажется, что̀ въ томъ, чтобъ такъ воскликнуть? Ничего, и что-то. Ибо вотъ прошли столѣтія, а островъ этотъ такъ и зовется „Женщины“, женскимъ остался онъ островомъ.

Испанцы на насъ не похожи. Мнѣ вспоминается одно изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній.

Въ зимній день, въ концѣ января, я уѣзжалъ изъ Гамбурга въ Мексику на большомъ океанскомъ кораблѣ „Принцъ Іоахимъ“, общества „Hamburg-Amerika-Linie“. Публика была ультра-европейская. Нѣмцы, еще Нѣмцы и еще Нѣмцы. Итальянскій авантюристъ, Французскій коммерсантъ съ острова Кубы, нѣсколько Англичанокъ съ младенцами, воцарившихся на кораблѣ рѣшительно и импозантно, ибо вѣдь Англія — царица морей, и двое недовольныхъ Русскихъ, изъ которыхъ одинъ — я. Недовольны же мы были потому, что, въ Русской наивности, думали—какъ сядемъ на корабль, такъ и будетъ тамъ все по-особенному, ужь почти что будемъ въ Мексикѣ. А тутъ самая низкая Европа. И печально алѣло закатное солнце нашего Сѣвера, когда корабль отплывалъ по густо-синему морю, рас-

талкивая пловучія льдины. И вотъ, черезъ сколько-то круговратностей часовъ, мы заѣхали въ Испанскій портовый городъ Корунью. И сразу—сказка. Сбросивъ съ себя тюремный костюмъ, или что то же — шуба, безъ всякихъ лишнихъ покрышекъ мы бродили по нѣжному цвѣтущему саду, смотрѣли на бѣлые арумы, на пестрыя ромашки, на нѣжную лазурь ирисовъ, на иные цвѣты, золотые и красные. А вечеромъ, когда мы отплыли далѣе, вся первоклассная международная публика забыла о своихъ обычныхъ разговорахъ и, застывши, въ молчаньи смотрѣла и слушала; на палубѣ, тамъ, гдѣ не слишкомъ уютно, огромная толпа Испанскихъ эмигрантовъ предавалась дѣтскому веселью: покидая свою родину, быть-можетъ, навсегда, Испанцы, многіе полуоборванные, плясали и пѣли подъ аккомпаниментъ неизбѣжной гитары. И столько было чего-то беззавѣтнаго, безудержнаго въ этихъ коротенькихъ, быстро смѣнявшихся пѣсенкахъ, столько воли было въ этихъ короткихъ энергическихъ вскрикахъ и мѣткихъ насмѣшкахъ, столько красоты было и нѣжной чувственности въ разнообразныхъ движеніяхъ многоименнаго, разноликаго Испанскаго танца, что думать о чемъ-либо иномъ, когда пѣли и плясали Испанцы, было невозможно. Одинъ, ужь почти что солидный, молодой Нѣмецкій купецъ, перегнувшись черезъ перила лѣсенки, отъ прогулки первоклассниковъ внизъ, долго глядѣлъ на молодую Испанку, долго вызывалъ у ней своею фигурою смѣхъ, наконецъ не вытерпѣлъ и крикнулъ по-испански: „Почему, сеньорита, вы смѣетесь надо мной?“—„Потому что сеньоръ такъ наклонился, что свалится, пожалуй, въ Испанію“, отвѣтила она тотчасъ при общемъ смѣхѣ—и черезъ секунду уже забыла его въ движеніяхъ своей пляски, а его сердце воистину свалилось въ Испанію, какъ тяжесть съ горы, обрадовавшись, что, наконецъ, нашелся узывчивый стройный

уклонъ, на который вступивъ, непремѣнно покатишься внизъ.

Испанцы всѣ свои ощущенія связываютъ съ пѣсней, какъ радостныя, такъ и темноцвѣтныя. Любятъ—поютъ, ненавидятъ — поютъ, тоскуютъ — напѣвомъ, цѣлуютъ—созвучьемъ. Какъ говорится въ одной Испанской пѣснѣ:

У меня покорно сердце,
Исполняетъ всѣ велѣнья:
„Плачь“, скажу—и сердце плачетъ,
„Пой“, скажу—оно поетъ.

Объ этой общей Испанцамъ склонности претворять свои ощущенія во внезапно рождающуюся пѣсню хорошо говоритъ въ одной изъ своихъ книгъ собиратель Испанскихъ народныхъ пѣсенъ, Франсиско Родригесъ Маринъ: „Въ Испаніи, прежде всего въ области Андалузской, гдѣ, какъ въ Сициліи, *tutto parla di poesia*, поистинѣ изумительна поэтическая плодовитость народа, такъ же какъ необычайная его легкость въ творчествѣ. Города и деревни есть, гдѣ молодежь обоего пола въ веселыхъ ночныхъ собраніяхъ, зимою освѣщенныхъ классической свѣчой, а лѣтомъ серебряной луной, влюбляется, ссорится, бранится, взаимно насмѣхается, въ непрерывной перестрѣлкѣ четырехстрочныхъ пѣсенокъ. Врядъ ли встрѣтится какая-нибудь мысль, для выраженія которой они не нашли бы подходящей пѣсни. Если не знаютъ, импровизируютъ; если импровизація неудачна, она теряется такъ же быстро, какъ смолкаетъ голосъ, который ее пропѣлъ; если же она хороша, если вполнѣ отвѣчаетъ особому состоянію души, если въ пѣснѣ замкнута оригинальная мысль, заслуживающая труда быть сохраненной, новой пѣсенкѣ выпадаетъ счастливая судьба: на слѣдующій день ее повторяютъ всѣ въ деревнѣ, а десять

лѣтъ спустя поетъ ее весь полуостровъ, и полувѣкомъ позднѣе она находитъ соотвѣтствія въ народныхъ литературахъ почти всѣхъ странъ".

Въ объемистой пятитомной коллекціи Франсиско Родригесъ Маринъ собралъ всю эту сокровищницу Испанскаго поэтическаго творчества: Cantos Populares Espanoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodriguez Marin. 5 tomos. Sevilla. 1882. По полнотѣ своей это собраніе можетъ быть сравнено съ такими собраніями Русскихъ народныхъ пѣсенъ, какія дали намъ Шеинъ и профессоръ Соболевскій, но собраніе Марина, какъ пріобрѣтеніе въ области народознанія, имѣетъ еще и ту цѣнность, что въ немъ огромное множество изъяснительныхъ замѣчаній и параллелей изъ Португальскаго фольклора, Сицилійскаго и обще-Итальянскаго. Пѣсни, собранныя Мариномъ, обнимаютъ полнозвучность темъ и настроеній. Колыбельныя пѣсни, дѣтскія игры, загадки, бранности, заклинанья, заговоры, влюбленность, признанія, нѣжность, ревность, серенада, ненависть, презрѣніе, примиреніе, любовные совѣты, пляски, историческія пѣсни, мѣстныя и прочее и прочее. Изъ всего этого разнообразія я беру одинъ основной моментъ—любовь—съ его естественнымъ дополненіемъ—ненавистью. Любовь и ненависть по природѣ своей однородны, но только ненависть есть обратный ликъ любви. Одно есть отъ Бога, другое отъ Дьявола, одно есть прямое, другое—опрокинутое.

Вспоминаю то, что я говорилъ когда-то объ Испанскихъ народныхъ пѣсняхъ, печатая впервые небольшое ихъ собраніе въ своей книгѣ „Горныя Вершины".

Немногословныя и яркія Испанскія пѣсни, созданныя безъимянными поэтами изъ народа, можно было бы назвать „Цвѣтами Влюбленныхъ". Они такъ же исполнены любовью, какъ воздухъ весны — ароматомъ расцвѣтшихъ растеній.

Испанская манера выражать любовь рѣзко отличается отъ манеры, свойственной намъ, Сѣверянамъ. Въ сѣверныхъ странахъ очертанія предметовъ окутаны дымкой. Въ странахъ, озаренныхъ жгучимъ солнцемъ, очертанія предметовъ предстаютъ отчетливо, со всѣми ихъ крупными и мелкими подробностями. Эта истина повторяется и въ мірѣ природы и въ жизни души. Норвежскія горы и фьорды, Русскіе лѣса и равнины такъ же туманны и загадочны, какъ души ихъ обитателей, печальныя души, полныя пропастей и всегда недосказанныхъ словъ, всегда недовершенныхъ сновидѣній. Воздушныя окрестности Неаполя, залитая солнцемъ природа Андалузіи отчетливы и ясны въ своей красотѣ,—они полны тѣхъ же опредѣленныхъ эффектовъ свѣтотѣни, которые восхищаютъ насъ въ быстрыхъ переходахъ отъ гнѣва къ нѣжности и отъ ласки къ ревности, составляющихъ неизбѣжную черту полудикихъ красивыхъ Южанъ.

Когда Сѣверянинъ влюбленъ, онъ просто чувствуетъ красоту любимой женщины, онъ получаетъ общее впечатлѣніе ея очарованія. Если онъ на чемъ-нибудь остановитъ детальное вниманіе, это, конечно, будутъ глаза, вѣчно глаза, только глаза, потому что души черезъ взгляды легче всего соприкасаются одна съ другой. Но Южанинъ видитъ все лицо, и для каждой отдѣльной части его онъ находитъ чарующій образъ. Онъ видитъ, что губы напоминаютъ гвоздику, любимый цвѣтокъ Испанцевъ, что ротъ напоминаетъ закрывшіеся лепестки, что зубы—какъ жемчугъ въ темницѣ изъ коралловъ, и онъ описываетъ подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Онъ говоритъ о глазахъ. Но вы думаете, что глаза—не болѣе какъ глаза? Какая ошибка! Глаза состоятъ изъ зрачка, всегда перемѣнчиваго, изъ бѣлка съ синими жилками, напоминающими облачное небо, изъ острыхъ, какъ

иглы, рѣсницъ, черныхъ, какъ ноч изъ бровей, похожихъ на луну въ новолуніе. Что для Сѣверянина одновременно — начало и конецъ, то для Южанина превращается въ длинную цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ: онъ разъединяетъ начало и конецъ, заполняя промежуточное пространство цѣльными въ своей частичности впечатлѣніями.

Безъимянные пѣвцы изъ среды Испанскаго народа сходятся въ этомъ отношеніи съ лучшими образцами любовной лирики.

Взгляните, какъ Индійскіе поэты описываютъ типъ совершенной женщины, чье имя Падмини, женщина—лотосъ (Kâmasûtram). Она прекрасна, какъ нераскрывшійся лотосъ, какъ наслажденіе. У нея стройный станъ и поступь лебедя. Ея голосъ какъ пѣніе птицы, манящей другую, ея слова—какъ сладостная сома. Отъ нея исходитъ дыханіе мускуса, и за нею летитъ золотая пчела, кружась надъ ней, какъ надъ цвѣткомъ, таящимъ нѣжный запахъ меда. Ея длинные шелковистые волосы волнисты; они благоуханны сами по себѣ, и лицо ея окружено ими, какъ лунный дискъ въ полнолуніе. Ея глаза, чей разрѣзъ прекрасенъ, блестящи, нѣжны и пугливы, какъ глаза газели; черные, какъ ночь, ихъ зрачки горятъ въ глубинѣ орбитъ, какъ звѣзды въ мрачномъ небѣ; ихъ длинныя рѣсницы даютъ взгляду силу притягательную. Ея чувственныя губы розовы, какъ вѣнчикъ нерасцвѣтшаго цвѣтка, или красны, какъ красные плоды. Ея бѣлые зубы какъ аравійскій жемчугъ; улыбнется — и они какъ жемчужныя четки въ оправѣ изъ коралла. Изящная, какъ воздушный лепестокъ, она любитъ бѣлыя одежды, бѣлые цвѣты, красивыя драгоцѣнности и богатые наряды.

Совершенно такъ же и въ „Пѣсни Пѣсней“ мы видимъ, какъ великій царственный поэтъ, плѣненный смуглою одчерью пустыни, возсоздаетъ передъ нами, въ ча-

стичныхъ гимнахъ, образъ своей возлюбленной, чьи поцѣлуи слаще мирры и вина. И Шелли, въ поэмѣ „Эпипсихидіонъ", отдается тому же побужденію, когда, описывая идеальную Эмилію Bивіани, онъ нагромождаетъ одинъ образъ на другой. И Эдгаръ По въ своей геніальной фантазіи „Лигейя", рисуя сказочную женщину, создаетъ поэму женскаго лица.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той способностью человѣческой души, которую я назову *радостью многогранности*, и—какъ ни страшно научное слово—назову еще *усладою классификаціи*. Эта способность проявляется у людей влюбленныхъ, у людей, страстно любящихъ что-нибудь, побуждаемыхъ этой исключительной любовью къ непрерывному созерцанію любимаго, а отсюда къ открытію въ томъ, что любишь, вѣчно новыхъ и новыхъ оттѣнковъ. Эта способность составляетъ неотъемлемую черту цѣлыхъ народовъ, которые по страстности своей всегда находятся въ космической влюбленности. Мы, Сѣверяне, мы, бѣлоликіе, блѣдные, смотря на родную природу, куда какъ односложны въ наименованіяхъ. Видимъ иву, скажемъ—плакучая ива, вѣтвистая ива, и снова—плакучая ива. Лѣсную красавицу нашу, березу, называемъ бѣлой березой, кудрявой, скажемъ иногда—тонкоствольная береза, сравнимъ иногда березу съ молодою дѣвушкой. Дальше не пойдемъ. Вырвется у насъ, въ счастливую минуту, пять-шесть опредѣленій, и затѣмъ Сѣверная мысль вступаетъ въ кругъ повторностей. Возьмите Индусскую фантазію, Индусскую воспріимчивость, и вы увидите нѣчто совершенно иное. Каждому растенію Индусъ, кромѣ основного названія, даетъ еще цѣлый рядъ другихъ. (См., напримѣръ, Hector Dufrené. La Flore Sanscrite. Paris. 1887.) Бамбукъ для Индуса не только бамбукъ, но еще—жадный до воды;—узлистый; — стеблеподобный; — древо для лука; — на крайнихъ вѣтвяхъ плодоносный; — сѣмя смерти; —

цѣпко за землю схватившійся; — чей плодъ похожъ на ячмень;—звучащій;—зародышъ огня;—множество;—великая трава;—благополучіе дающій;—добрый узелъ;—возлюбленный царями; — врагъ врага. И въ то время, какъ мы о водной лиліи говоримъ лишь, что она бѣлая да чистая, Индусъ говоритъ о священномъ лотосѣ: другъ черной пчелы;—черный корень; — радость земная;—водный камышъ;—луна;—изъ водъ ростущій;—воду покрывающій;—рождающійся въ водѣ;—изъ влаги исшедшій;—водой порожденный; — прудовой; — вода;—влага;—подобный оку;—столистный;—тысячелистный;—обиталище весны; — пребываніе Лакшми (богини красоты); — солнечный даръ;—красотою возлюбленный;—лучезарный; — богатство; — округлый листъ; — богатый листъ;—листъ огня.

Подобно этому, Испанская мысль, прикасаясь къ чему-нибудь, открываетъ все новыя и новыя стороны предмета, параллелизируетъ и безъ конца тѣшится сравненіями, наряжаетъ избранный предметъ то въ одинъ образъ, то въ другой. Какъ рождается любовь?

Любовь родится въ зрѣньи,
Ростетъ изъ обращенья,
Ее питаетъ ревность,
И смерть ей — въ оскорбленьи.
Когда жъ она умретъ,
Тутъ новая любовь
Зарыть ее несетъ.

Вѣчность круговорота. Изъ любви умершей рождается новая любовь, какъ изъ пожелтѣвшаго осенью листка, черезъ паденье его на землю, возникаетъ новый изумрудный побѣгъ, и въ новомъ весеннемъ вѣтеркѣ будутъ безъ конца качаться свѣжіе зеленые листки и стебельки, играя переливами и уводя мысль въ мечту.

Если любовь питается ревностью—и чѣмъ не питается она?—конечно, она должна горѣть неугасимо, ибо здѣсь мы касаемся бездонности.

Въ колодецъ ревности
Спустился я испить,
Испилъ тамъ ревности,
Мнѣ съ жаждой вѣчно быть.

И если влюбленная мечта поетъ, что, когда любовь умираетъ, гробовщикомъ ей служитъ новая любовь, та же мечта, капризно себѣ противорѣча, говоритъ, что, въ концѣ-концовъ, любовь и вовсе не можетъ умереть, пришла — такъ ужь такъ и останется, ничѣмъ ее не выгонишь.

Тоска убиваетъ тоску,
Печаль убиваетъ печаль,
Гвоздь выбиваетъ гвоздь,
Любовь не выбьетъ любовь.

Любовь въ сущности ничего о себѣ не знаетъ, она лишь познаетъ себя, безпрерывно, вспышками, вѣчно играетъ сама съ собою въ прятки, теряетъ себя и находитъ. Въ отдѣлѣ „Испанскихъ народныхъ пѣсенъ", носящемъ названіе —„Teoria y consejos amatorios", „Теорія и совѣты любовные", есть опредѣлительное въ этомъ смыслѣ четверостишіе.

Любовь ребенкомъ изображаютъ,
Глаза повязкою покрыты,
Вотъ почему всегда влюбленный
Живетъ въ потемкахъ и въ слѣпотѣ.

Безъ конца ощупывая въ слѣпотѣ самое себя, любовь даетъ себѣ многоразличныя опредѣленія.

Любовь есть ребенокъ: когда родится, ей малаго довольно, а потомъ давай все больше и больше. Лю-

бовь есть червь: войдетъ черезъ глаза, дойдетъ до сердца и смертныя причиняетъ муки. Любовь — зловредный червь: укуситъ — не найдешь въ аптекѣ лѣкарства. Любовь — червоточина: овладѣваетъ человѣкомъ распространяясь. Любовь — моль: кормится тѣмъ, изъ чего рождается, и всегда грызетъ то, что ее породило. Любовь — паукъ: родившись, питается собственнымъ ядомъ, а мы, полюбивъ, живемъ умирая. Любовь — осторожный паукъ: забравшись въ тайный уголокъ души, она раскидываетъ свои паутинки такъ незамѣтно, что и самый мудрый не сумѣетъ обрѣзать нить. Любовь — рыба: много острыхъ костей выпадаетъ на долю влюбленныхъ. Любовь — гора: очень высокая, и трудно взойти на вершину, а разъ наверху, ежеминутно можно сорваться. Любовь — тропинка заводящая: кто по ней идетъ наиболѣе прямо, тотъ наиболѣе теряется. Любовь — веселый лугъ: войдешь — изумленъ развлеченіями. Любовь — поле: сохнетъ отъ зноя, а брызнутъ капли — цвѣтетъ. Любовь — огонь неугасимый: чѣмъ больше горитъ, себя сжигая, тѣмъ ярче горитъ. Любовь — огонь и вмѣстѣ дымъ; огонь, если пламени въ двухъ сердцахъ горятъ, и черный дымъ, если одно лишь сердце чувствуетъ пытку. Любовь — пламя непонятное: дыма не видно, а пожаръ весь въ заревахъ. Любовь — однихъ освѣжаетъ, другіе — въ ней тонутъ. Любовь — медъ, и любовь — желчь. Любовь — книга: прочтешь первые листы — въ страхѣ и ужасѣ, а дойдешь до середины, и забота пропала. Любовь — колесо вѣчно вращающееся: однихъ поднимаетъ, другихъ опускаетъ, бойтесь, многихъ заставило внизъ покатиться. Любовь — табакъ: никто куренье не броситъ, а многимъ хотѣлось бы, и тотъ, кто на время бросаетъ, куритъ съ наибольшею страстью. Любовь — азартная игра: сколько обыгранныхъ. Любовь — школа разочарованій: здѣсь и са-

мые мудрые поучаются, но, сколько бы ни поучались, неисправимые слѣпцы, всегда забываютъ науку. Любовь — воображаемыя монеты: никто ихъ не видитъ, а торговля идетъ своимъ порядкомъ. Любовь — торговля, основанная на банкротствѣ: кто выигрываетъ, тотъ теряетъ, и, въ концѣ-концовъ, если есть какой-нибудь барышъ, его уноситъ Дьяволъ. Любовь — ремесло безъ выучки: знаетъ его и старый и малый, въ мастерскихъ этого ремесла наилучшіе учителя — женщины. Любовь—комедія, и такъ какъ нѣтъ хорошей комедіи безъ репетицій, первая любовь требуетъ второй, а затѣмъ — число увлекаетъ. Любовь — луна: отъ новолунья—до новолунья, ущербъ—и снова. Любовь—величайшая эпидемія, какая существовала въ мірѣ; кто ея не зналъ. И наконецъ —

Любовь есть тяжба,
Судись, коль хочешь, —
При пересмотрѣ
Ее теряешь.

А если потерялъ, струна сейчасъ же запоетъ—

Сердце безъ любви —
Растенье безъ плода,
Несчастный, что не любитъ,
Зачѣмъ живетъ онъ въ мірѣ?

Испанскія народныя пѣсни, будутъ ли это трехстрочныя soleares, или четырехстрочныя coplas, или семистрочныя seguidillas, — три обычные ритма Испанскаго поэтическаго творчества, — всегда воздушны, тонки по настроеніямъ и зеркальны въ своей озаренности. Въ одной сэгидильѣ ревнующая дѣвушка говоритъ своему милому:

— На луну я взглянула,
И увидѣла въ ней,
Что влюбленъ ты въ другую
И тѣшишься съ ней.

„Кто тебѣ разсказалъ это?"
— Мнѣ никто не сказалъ это.
Тамъ въ лунѣ, я увидѣла въ ней.

Любящая душа связана со всѣмъ міромъ, отовсюду воспринимаетъ тайныя вліянія и дѣлается воздушно-проникновенной. Это зеркально-лунное ясновидѣніе Испанской дѣвушки означительно для всего народнаго творчества Испаніи, и оно напоминаетъ въ то же время прелестную Монгольскую пѣсню „Зеркало", которой я закончу эти строки.

Я коня вороного тебѣ осѣдлала,
Отточила твой ножъ, заострила копье.
Если нужно, такъ въ путь, встрѣть змѣиное жало,
Но въ бою не забудь ту, чье сердце — твое.
Какъ въ томъ зеркальцѣ маломъ, въ томъ зеркальцѣ чудномъ,
Что мнѣ съ ярмарки разъ ты изъ Кяхты привезъ,
Обѣщай мнѣ, что буду въ пути многотрудномъ
Отражаться въ душѣ твоей, въ зеркалѣ грезъ.
Прежде чѣмъ ты уѣдешь, мнѣ дай обѣщанье
Каждый вечеръ смотрѣть, въ третій часъ, на луну,
Въ этотъ часъ, какъ ея такъ зеркально сіянье,
Ты гляди въ серебро, ты гляди въ глубину.
Прежде чѣмъ ты уѣдешь, тебѣ обѣщанье
Также дамъ, что смотрѣть, въ третій часъ, на луну
Каждый вечеръ я буду, завидѣвъ сіянье,
Въ тотъ серебряный кругъ, въ ту ея глубину.
Каждый вечеръ твои буду чувствовать очи,
Каждый вечеръ глаза будешь чуять мои,
И взаправду луна, въ приближеніи ночи,
Будетъ зеркаломъ намъ, въ серебрѣ, въ забытьи.
Каждый вечеръ увижу коня вороного,
И тебя въ томъ краю, гдѣ играетъ война,
Каждый вечеръ увидишь ты снова и снова,
Какъ тебя я люблю, какъ тебѣ я вѣрна.

Парижъ, Пасси, 60, улица Башни.
1908. Іюнь. 3 — 4.

К. Бальмонтъ.

ИСПАНСКІЯ ПѢСНИ.

— Кто-нибудь насъ слышитъ? — Нѣтъ.
— Поболтаемъ, хочешь? — Да.
— У тебя есть милый? — Нѣтъ.
— Хочешь, я имъ буду? — Да.

Испанская пѣсенка.

Влюбленность.

1.

Мать, что тебя породила,
Ранняя роза была,
Она лепестокъ обронила,
Когда тебя родила.

2.

Съ головы до ногъ
Ты одинъ цвѣтокъ.
О, счастлива мать,
Чья такая дочь.

3.

Когда ты проходишь по улицѣ,
Говоря съ своими друзьями,
Ты какъ будто король надо всѣми.
И нѣженъ зеркальный мой ликъ.

4.

Приходитъ Мартъ съ цвѣтами,
И съ розами Апрѣль,
И Май, онъ весь въ гвоздикахъ,
Чтобъ увѣнчать тебя.

5.

Чуть вошелъ въ твою улицу,
Королевой зову тебя,
Приношу, чтобъ вѣнчать тебя,
Вѣтви пальмы и лиліи.

6.

Сбрось, молю, мантилью эту,
Дай мнѣ волосы увидѣть:
Для того, чтобъ видѣть образъ,
Ткань съ него отодвигаютъ.

7.

Волна твоихъ волосъ
Есть цѣпь для многихъ душъ;
Когда распустишь ихъ,
Ты вяжешь цѣпь тѣснѣй.

8.

Кудри украла
Свѣтлянка у солнца,
У меня же украла
Сердце и жизнь.

9.

Бѣлокъ твоихъ глазъ
Съ лазурными жилками —
Какъ будто бы небо
Въ тотъ день, когда облачно.

10.

Эти синіе глазенки
Ты украла у небесъ,
Небу дашь отчетъ за козни
Этихъ хитрыхъ двухъ повѣсъ.

11.

Твои глаза — лазурные,
Глаза благословенные,
Мои глядятъ и молятся,
И просятъ милосердія.

12.

Твои глаза — два зеркала,
Я въ нихъ смотрюсь. Постой.
Не закрывай ихъ, жизнь моя.
Не закрывай. Открой.

13.

Глаза моей смуглянки —
Какъ горести мои:
Большіе, какъ печали,
И черные, какъ думы.

14.

Брови твои — какъ двѣ новыхъ луны,
Очи — двѣ утреннихъ яркихъ звѣзды,
Свѣтятъ и ночью, и днемъ,
Свѣтлѣй, чѣмъ на небѣ родномъ.

15.

Звѣздъ на небѣ, звѣздъ на небѣ —
Тысяча и семь,
А твои считая очи —
Тысяча и девять.

16.

Гаснетъ, гаснетъ луна.
— Пусть ее погасаетъ:
Луна, что меня освѣщаетъ,
Здѣсь у окна.

17.

Твои глаза — разбойники,
Воруютъ, убиваютъ,
Рѣсницы — горы темныя,
Разбойниковъ скрываютъ.

18.

Зачѣмъ вы, черные глаза,
Зачѣмъ на исповѣдь нейдете?
Вы столько крадете сердецъ,
И стольких каждый мигъ убьете.

19.

Твои рѣсницы, крошка,
Пригоршни острыхъ иголъ:
Чуть только ты посмотришь,
И душу мнѣ пронзишь.

20.

Рѣсницы глазъ твоихъ
Черны, какъ мавританки,
Среди рѣсницъ твоихъ
Мерцаютъ двѣ звѣзды.

21.

Твой нѣжный ротъ — тюрьма,
Темница безъ ключей,
Въ немъ узники — жемчужины,
Въ немъ изъ кораллов дверь.

22.

Твой нѣжный ротъ такого
Исполненъ чарованья,
Что мой схватиться хочетъ
Съ нимъ въ битвѣ поцѣлуевъ.

23.

Твой ротъ, моя малютка,
Закрывшійся цвѣтокъ,
О, если бъ поцѣлуемъ
Его раскрыть я могъ.

24.

Губы твои —
Двѣ гвоздики,
Дай имъ напиться, —
Засохли.

25.

Веселая пташка
Твой клюнула ротъ,
Подумала — роза
Такъ ярко цвѣтетъ.

26.

Когда ты смѣешься,
Румяныя губы,
По блеску и краскѣ,
Какъ яркій рубинъ.

27.

Твои губы — двѣ гардины,
Ярко-красная тафта,
Межь гардиной и гардиной
Ожидаю „да“.

28.

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная съ каплями росы,
Эти раскраснѣвшіяся губы
Не твои, теперь онѣ мои.

29.

Зубы твои, волшебница,
Цѣпи изъ кости слоновой,
Сердце мое оковано,
Сердце съ душой въ плѣну.

30.

Снѣгъ по лицу твоему
Нѣжно прошелъ, сказавъ:
— Тамъ, гдѣ не нуженъ я,
Что же и дѣлать мнѣ?

31.

Изъ снѣга и пурпура
Щеки твои,
И снѣгъ этотъ свѣтится,
Пурпуръ горитъ.

32.

Въ лицѣ твоемъ лучшее все,
Что въ небѣ и здѣсь на землѣ:
На щекахъ твоихъ розы цвѣтутъ,
А въ глазахъ твоихъ звѣзды горятъ.

33.

Не цвѣтутъ зимой гвоздики,
Сушитъ ихъ морозъ жестокій,
На твоемъ лицѣ гвоздикамъ
Богъ весь годъ цвѣсти позволилъ.

34.

Лицо твое сравню я,
О, свѣтлая любимка,
Съ январскою луною
И съ августовскимъ солнцемъ.

35.

Съ луною январской
Тебя я сравнилъ.
Свѣтлѣй она, ярче
Всѣхъ прочихъ въ году.

36.

Создавъ тебя, Богъ восхотѣлъ
Отмѣтить печатью тебя,
И родинку онъ положилъ
На нѣжную щеку твою.

37.

Какъ вода переливается
Подъ лавровымъ подъ кустомъ,
Красота переливается
На лицѣ твоемъ.

38.

Бѣлизной твоей шеи
Ты плѣнила меня,
Привяжи волосами,
Такъ и выкупъ придетъ.

39.

Свѣтлянка, солнце солнцъ,
Лицо твое — ковчегъ,
А грудь твоя есть путь
Въ страну эдемскихъ нѣгъ.

40.

Твои руки—царственныя пальмы,
Твои пальцы—десять бѣлыхъ лилій,
Твои губы—нѣжные кораллы,
Твои зубы—тонкій свѣтлый жемчугъ.

41.

Какіе пальцы для колецъ!
Какая грудь для алмаза!
Какія уши для блесковъ!
И вся для влюбленнаго глаза!

42.

Какія руки для перчатокъ!
Какіе пальцы для перстней!
Какая шея для ожерелья!
И ротъ, и ротъ, чтобъ цѣловать!

43.

Ты стройна, тонка,
Что камышъ рѣчной,
Вся ты ликъ цвѣтка
Надъ волной.

44.

Изъ Веракрусъ въ Испанію
Три вышли корабля,
И всѣ-то съ поясочками
Для таліи твоей.

45.

Ты гвоздика Апрѣля
И ты Майская роза,
Лунный ликъ ты Январскій,
И я въ чарѣ твоей.

46.

Ты мускатная роза,
Ты душистая роза,
И ты бѣлый жасминъ
Средь Апрѣльскихъ долинъ.

47.

Ты болѣе желанна,
Чѣмъ утренняя свѣжесть,
Ты болѣе красива,
Чѣмъ розы ранній цвѣтъ.

48.

Ты лучшая гвоздика,
Расцвѣтность молодая,
Расцвѣтшая съ росою
Начавшагося Мая.

49.

Ты пальма роскошная,
Ты красивѣйшій лавръ,
Ты бѣлая лилія,
Ты гвоздика гвоздикъ.

50.

Ты пальма роскошная,
Ты на небо идешь,
Чтобы жить и звѣздиться тамъ,
Между звѣздъ серафимъ.

51.

Ты свѣтлѣй, чѣмъ солнце свѣтлое,
Ты бѣлѣй, чѣмъ бѣлый снѣгъ,
Роза ты Александрійская,
Что въ расцвѣтѣ круглый годъ.

52.

Ты какъ вервена
На зеленомъ лугу,
Ты словно сладость,
Что таетъ во рту.

53.

Ты чеканное золото,
Ты печать серебра,
Колесница побѣдная
И сирена морей.

54.

Звѣздочки небесныя
Жалуются Богу,
Для чего не создалъ ихъ
Съ красотой твоей.

55.

Одна звѣзда потерялась,
Нѣтъ ея болѣе въ небѣ,
Она въ твоей комнатѣ свѣтитъ,
Твое лицо освѣщаетъ.

56.

Этой легкою ногою,
Этой поступью воздушной,
Столько ты людей убила,
Какъ песку на днѣ морскомъ.

57.

Я думалъ, что луна
Явилась на балконѣ,
Я думалъ, что луна
Была луна и солнце.

58.

Я родился бѣлый,
А теперь я смуглый,
Обожаю солнце,
Жжетъ оно меня.

59.

Луна остановилась
Въ стремленіи своемъ,
Тебя въ восторгѣ видя
Волшебницей такой.

60.

Солнце затменьемъ объято,
Солнце любовью объято.
Если влюбилося солнце,
Что жь это будетъ съ людьми?

Нѣжности.

1.

Пой ты пѣснь, и буду пѣть я,
Птичка на зеленой вѣткѣ,
Пой ты пѣснь, и буду пѣть я,
Всякій пой, кто любитъ.

2.

Птичка, пролетая,
Держитъ въ клювѣ надпись,
Буквы золотыя:
„Плѣнница любви“.

3.

Изъ птицъ, что летаютъ,
Мнѣ нравится воронъ:
Любовь моей жизни
Одѣта вся въ черномъ.

4.

Тебѣ я далъ вчерашней ночью
Въ окошко пять гвоздикъ,
Пять чувствъ то были, о, малютка,
Что отдалъ я тебѣ.

5.

Если бъ тысячу жизней имѣлъ я,
Я тебѣ бы ихъ отдалъ всѣ вмѣстѣ,
Лишь одну я имѣю,—возьми,
Но возьми ее тысячу разъ.

6.

Этотъ кинжалъ золоченый
Возьми и пронзи мое сердце;
И цвѣтъ моей крови разскажетъ,
Люблю ли тебя.

7.

Ты для меня мой отдыхъ,
Ты для меня утоленье,
Гвоздика, чье нѣжно дыханье,
И всѣ мои, всѣ владѣнья.

8.

Я утесъ обрывный,
Я суровый камень,
Я для всѣхъ, какъ бронза,
Для тебя, какъ воскъ.

9.

Ты округлая радуга
Надъ моими печалями,
Ею нѣжно врачуются
Всѣ мои огорченія.

10.

На дворѣ своемъ
Ѣла дѣвушка,
Я ей знаками—
Дай немножечко.
Мнѣ отвѣтила—
Приходи, поѣшь
Сердца этого.

11.

Будь море—чернила,
Будь небо—бумага,
Написать я не могъ бы,
Какъ тебя я люблю.

12.

Въ перламутровой раковинѣ
Я тебя нарисую,
Чтобъ была ты со мною,
Чтобъ тебя не искалъ я.

13.

Хоть бы ты взошла на небо,
Хоть была бы рядомъ съ Богомъ,
Такъ святыя не полюбятъ,
Какъ тебя люблю я.

14.

За обѣдней взглянула
На меня ты съ улыбкой.
Какъ лицо повернула,
Показалась мнѣ солнцемъ.

15.

О, крылатый, какъ птицы,
Ты, мой милый, мой милый,
Мнѣ мѣшаютъ рѣсницы
На тебя наглядѣться.

16.

Я хотѣлъ бы быть съ тобою
Каждый мѣсяцъ тридцать дней,
И еще семь дней въ недѣлю,
Каждую минуту разъ.

17.

Сердце мое въ тотъ день,
Когда я съ тобою не вижусь,
Словно печальная птичка,
Что съ вѣтки на вѣтку летитъ.

18.

Я хотѣлъ бы, чтобы домъ твой
Былъ изъ хрусталя,
Говорить съ тобой нельзя мнѣ,
Видѣлъ бы тебя.

19.

Та, кого люблю я сердцемъ,
Точно бѣлая гвоздика,
Что раскрылась поутру.

20.

Ты моей души мученье,
Ты моей тоски начало,
Вотъ тебя я и люблю.

21.

Я люблю любовью нѣжной,
Что нѣжнѣй, чѣмъ слитный духъ
Розъ, гвоздики и жасмина.

22.

Подожди, еще останься,
Каждый разъ, какъ ты уходишь,
Это жизнь уходитъ прочь.

23.

Если мои воздыханья
До подушки твоей дойдутъ,
Ты ужь къ нимъ будь милосердна,
Дай имъ пріютъ.

24.

Между мной и луной—жемчуга,
Между мною и солнцемъ—жасминъ,
Между мною и миленькимъ—цѣпи,
Цѣпь любви, чтобы онъ не забылъ.

25.

Обожаю невозможность,
Въ чемъ есть свойство тѣхъ, въ комъ тонкость,
А возможности желанны
Только тѣмъ, кто глупъ.

26.

Сегодняшней ночью мнѣ снилось,—
О, если бъ мнѣ сонъ не солгалъ!—
Завязанъ передникъ твой лентой,
Я ленту твою развязалъ.

27.

Какъ солнечный лучъ я хотѣлъ бы
Въ окошко твое заблестѣть,
Чулки, башмачонки и юбку
Помогъ бы тебѣ я надѣть.

28.

Когда бъ подъ ключомъ я
Съ тобой очутился,
И слесарь бы умеръ,
И ключъ бы сломился!

29.

Лѣстница поставлена,
Хочешь, я взойду,
Наслаждаться блесками
Красоты твоей?

30.

Когда же захочетъ Создатель,
Чтобъ вспыхнуло пламя зари:
— Ты любишь меня?—Обожаю.
— И ты мнѣ позволишь?—Бери.

Ревность.

1.

Въ колодецъ ревности
Спустился я испить;
Испилъ тамъ ревности,
Мнѣ съ жаждой вѣчно быть.

2.

Меня зовутъ—ревнивый.
О, боль! Но какъ же быть?
Работникъ я, и домъ свой
Желаю сохранить.

3.

Разъ люблю тебя, ревную.
Безъ любви, гдѣ взялъ бы ревность?
Разъ тебя я не любилъ бы,
Хоть бы Дьяволъ взялъ тебя.

4.

Цвѣтникъ изъ розъ,
Его храню я,
Шипы въ немъ есть,
Ихъ не довольно.
И стерегу,
И берегу,
Такъ стерегу, что глазу больно.

5.

Мой другъ вопрошалъ меня:
Что есть ревность? Скажи мнѣ.
Онъ не знаетъ,—какъ счастливъ онъ
Въ томъ незнаньи своемъ.

6.

Сегодня ночью
Ты такъ ревнива,
Что словно роза,
Кругомъ въ шипахъ.

7.

Да, твоя любовь какъ вѣтеръ,
А моя любовь какъ камень,
Что недвиженъ навсегда.

8.

Ты себя со мной сравнила.
Ты изъ всѣхъ металловъ слитокъ.
Я—безпримѣсный металлъ.

9.

О, безумна, ты безумна,
Ты какъ колоколъ, въ который
Каждый можетъ позвонить.

10.

Отъ тоски я умираю,—
Ты живешь еще на свѣтѣ,
Ты, умершій для меня.

11.

Какъ хрусталь—влеченье сердца,
Какъ бокалъ—любовь людская,
Чуть толкнешь его неловко,
Разобьется на куски.
И ужь такъ всегда бываетъ:
Чѣмъ нѣжнѣе, тѣмъ скорѣе
Разобьется навсегда.

12.

Ревность—какъ волны:
Думаешь—горы,
Смотришь—какъ пѣна,
Вотъ уже нѣтъ.
Съ вѣтромъ приходятъ
Ревность и волны,
Съ вѣтромъ уйдутъ.

13.

Дай мнѣ печали,
Дай мнѣ тревоги,
Все, что ты хочешь,
Только не ревность.

14.

Огонь нещадный,
Пожаръ, въ которомъ
Горю, ревнуя,
И умираю.
Убить хочу я:
Погибнуть легче
Въ одномъ пожарѣ.

15.

Я умираю,
Ужь я покойникъ,
Такъ жалитъ ревность,
Такъ отравляетъ.
Кто съ ней не хочетъ
Жить неразлучно,
Вмигъ убиваетъ.

16.

Если бы зналъ я, по какимъ ты
Здѣсь камнямъ проходишь,
Я бы ихъ перевернулъ,
Да никто не ступитъ.

17.

Мой мужъ—мой мужъ,
Онъ мужъ ничей,
Кто хочетъ мужа,
Воюй, бери.

18.

Очи моей смуглянки,
Святая Люсія, храни ихъ.
Если жь не мнѣ они свѣтятъ,
Вороны, выклюйте ихъ.

19.

Мой милый такъ непостояненъ,
Нейдетъ, нейдетъ, а я все жду.
Что̀, если тѣшится теперь онъ
Цвѣтами, но въ другомъ саду!

20.

Ужь слышенъ звонъ о душахъ,
А милый мой нейдетъ.
Что̀, ежели другая
Съ нимъ счетъ часовъ ведетъ!

21.

— На луну я взглянула
И увидѣла въ ней,
Что влюбленъ ты въ другую
И тѣшишься съ ней.
— Кто тебѣ разсказалъ это?
— Мнѣ никто не сказалъ это,
Тамъ въ лунѣ, я увидѣла въ ней.

22.

Тѣмъ же вѣеромъ, которымъ
На себя ты вѣешь вѣтромъ,
Ты тому, кого ты знаешь,
Посылаешь тайно знаки.

Тотъ же вѣеръ и движенье,
Для тебя въ немъ освѣженье,
Для меня пожаръ.

23.

Я птичкой ручною
Къ рукѣ твоей льну,
А ты улетаешь
Съ другимъ.

24.

Скорѣе мертвой
Тебя хотѣлъ бы,
Чѣмъ близъ другого
Я увидать.
Скорѣй въ могилѣ!
Ты не была бы,
Но не была бы тогда чужой.

25.

Въ саду моей царицы
Садовникомъ былъ я.
Когда жь раскрылись розы,
Пришелъ ихъ рвать другой.

26.

Иди въ недобрый часъ,
Усталъ тебя любить,
На башнѣ ты фонарь,
Ты свѣтишься для всѣхъ.

27.

Если любишь лишь меня,
Буду твердой я стѣной,

Если любъ тебѣ другой,
Скроюсь молніею я.

28.

У тебя любовь съ другой,
И любви со мною хочешь,
Хочешь ты дѣлить любовь,
Не хочу любви раздѣльной.

29.

Я не люблю сердецъ,
Гдѣ трещина видна.
Когда даю свое,
Даю его сполна.

30.

Если бъ я родился василискомъ,
Я тебя бы взоромъ умертвилъ,
Чтобъ тебя совсѣмъ отнять у міра,
Чтобъ тебя никто въ немъ не любилъ.

Признанія.

1.

Какъ жемчужины—признанья,
Чуть жемчужина сорвется,
За одной—другая, третья,
Ожерелье распадется.

2.

Если здѣсь ты чужестранка
И любви искать приходишь,
Жизнь моя, вотъ я, слѣпецъ твой,
Отъ твоихъ двухъ солнцъ ослѣпшій.

3.

Если я и чужестранка,
Не любви искать пришла я,
Ибо я въ землѣ родимой
Вѣтвь оставила съ цвѣтами.

4.

Гдѣ есть радость, тамъ счастія мѣра,
И мнѣ нравится тотъ кабальеро,
Потому что онъ въ трауръ одѣтъ,
А мнѣ радостенъ черный цвѣтъ.

5.

Дама въ черномъ покровѣ,
Кто умеръ, въ чемъ скорбь твоя?
Если отецъ—сокрушайся,
Если милый, такъ вотъ здѣсь я.

6.

На высокое небо взошелъ я,
Чтобы имя узнать красоты,
И одинъ серафимъ мнѣ повѣдалъ,
Что зовешься Долоресъ ты.

7.

„Пресвятая Марія!“ взываетъ
Погибающій въ морѣ морякъ.
На землѣ я, но кличу: „Марія,
О, Марія, даруй мнѣ знакъ“.

8.

Ай, какъ высокъ тотъ балконъ!
Ай, тотъ балконъ золоченый!
Ай, что за нѣжная тамъ!
Ай, кто жь у милой влюбленный!

9.

Болѣе не веселятъ
Ни розы меня, ни жасмины,
Веселитъ лишь твое лицо,
Скажи, гдѣ живешь ты, малютка?

10.

Скажи, гдѣ живешь ты, малютка,
Хочу я тебя узнать,
И если дружка не имѣешь,
Приду на тебя притязать.

11.

Ты малая роза въ бутонѣ,
Своего не раскрыла огня.
Если еще ты не любишь,
Полюби для начала меня.

12.

Яблочекъ нѣжно-цвѣтистый,
Тебя я нашелъ на землѣ.
Если еще ты не любишь,
Влюбившись, предайся мнѣ.

13.

Чуть засну, во снѣ мнѣ снишься,
Чуть проснусь, и въ мысляхъ ты.
Разскажи-ка мнѣ, подружка,
Такъ же ль точно и съ тобой?

14.

Только ты взглянешь,
И только взгляну я,
Говорю я глазами
То, о чемъ я молчу.

Такъ какъ не вижу
Въ тебѣ я отвѣта,—
Гляжу и молчу.

15.

Глазами гляжу на тебя,
И ртомъ я съ тобой говорю,
И глазами тебѣ говорю я
То, о чемъ мои губы молчатъ.

16.

Обожаю солнце,
Почитаю образъ,
Чувствую: люблю я,
А она не знаетъ!

17.

Хоть и знаетъ сердце,
Что тебя такъ любитъ,
Но скрывать умѣетъ,
Чтобъ не оскорбить.

18.

Больше глаза мои любятъ тебя,
Въ скрытности прячась своей,
Нежели тѣ, что кричатъ тебѣ громко,
Нежели тѣ, что шумятъ.

19.

Много имѣю сказать тебѣ, много,
Но говорю это только молчанью,
Много тебѣ говорю умолчаньемъ,
Если въ тебѣ только есть разумѣнье.

20.

Только могу говорить тебѣ
Полуслова.
То, что языкъ начинаетъ,
Довершаетъ душа.
Ибо такъ ужь выходитъ,
Что любовь есть очень ребенокъ,
И не можетъ она говорить.

21.

Сердце мое загорѣлось,
Дыма же нѣтъ.
Это вотъ значитъ—сгорать
Безъ очевидныхъ примѣтъ.

22.

И твои глаза и мои
Другъ на друга глядятъ, говорятъ,
Но сердца безсловесны,
Нѣтъ межь нихъ объясненья.
Я, однако, тебѣ сообщаю,
Если нѣтъ отъ тебя изъясненья,
Не понимаю тебя.

23.

Тебя хочу я и не хочу я,—
Тутъ разнородность:
Тебя хочу я и не хочу я,
Чтобъ это зналъ ты.

24.

Я хотѣлъ бы на минутку
Быть твоей сережкой свѣтлой,

На ушко тебѣ сказалъ бы
То, что въ сердцѣ у меня.

25.

Чуть увидѣлъ тебя,—полюбилъ,
Какъ тебя полюбилъ,—умираю,
Умирая тобой, чрезъ тебя,
Я счастливымъ себя почитаю.

26.

Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ тебя,—полюбилъ,
Мнѣ жаль, что случилося это такъ поздно,
Затѣмъ что хотѣлъ бы я, счастье мое,
Тебя обожать отъ минуты рожденья.

27.

Прежде чѣмъ тебя узналъ,
Я тебя уже любилъ,
Потому что возвѣщала
Мнѣ о томъ моя звѣзда.
Да, звѣзда моя такая,
Что мнѣ счастье возвѣщаетъ,
Не узнавъ еще его.

28.

Только я, свѣтловолоска,
Ликъ пресвѣтлый твой увидѣлъ,
Книзу пали, долу пали
Крылья сердца моего.

29.

Законъ, что, кто тебя увидитъ,
Тебя тотъ долженъ обожать.
Тебя я видѣлъ, и не стану

Я на законы посягать.
А то вполнѣ я заслужилъ бы
Изгнанья отъ твоихъ очей,
Какъ исто-справедливой кары.

30.

Студентомъ я быть собирался.
Твою красоту увидалъ я,
Чернила, перо и бумагу
Изъ самаго Ада тутъ взялъ я.

31.

Всѣ звѣзды, всѣ свѣты ночные
Покорствуютъ лику дневному,
У ногъ я твоихъ и покорный,
Смуглянка моей души.

32.

Марія, Марія, цвѣтокъ красоты,
Тобою я боленъ, тобой умираю.
Имѣешь цѣлебное ты врачеванье,
Больному здоровье верни.

33.

Говорятъ, голубое есть ревность,
И что алое есть веселость,
А зеленое есть надежда,
На тебя, жизнь моя, уповаю.

34.

Дай мнѣ руку, голубка,
Чтобъ взойти въ голубятню;
Мнѣ сказали, одна ты,—
Вотъ въ компанію я.

35.

Видитъ Богъ, тебѣ я бъ отдалъ
За лицо твое, смуглянка,
Своего лица глаза,
Хоть бы я слѣпой остался.

36.

Высокій и маленькій
Подъ моими окнами ходятъ:
Высокій покажется,
Словно солнце всходитъ,
А маленькій выйдетъ,
Какъ будто луна
Январская свѣтитъ.

37.

Купидончикъ, напрасно
Ты не траться на шутки:
Коль теперь не люблю я,
Я вѣдь знала любовь.
Ты не траться напрасно:
Коль теперь не люблю я,
Я надѣюсь, надѣюсь.

38.

Одинъ я на свѣтѣ, одна ты на свѣтѣ,
Одинъ и одна—это два.
Должны бы въ одно эти два сочетаться,
Когда бъ того Богъ пожелалъ!

39.

Такъ же кратко *да*, какъ *нѣтъ*,
Одинаковы размѣры.
Скажешь *да*—и жизнь даешь,
Скажешь *нѣтъ* — и смерть мнѣ въ этомъ.

40.

Столько жь буквъ имѣетъ *si*,
Сколько буквъ имѣетъ *no*.
Скажешь *si*—даешь мнѣ жизнь,
Скажешь *no*—мнѣ смерть.

41.

Я зовусь—*коль будетъ случай*,
Братъ родной—*коли придется*,
Я племянникъ—*если можно*,
Внукъ—*ну да, а впрочемъ, нѣтъ*.

42.

Чтобъ взойти, луна у неба
Позволенья проситъ.
Такъ и я прошу: позволь
Говорить съ тобою.

43.

Возьми мое сердце,—раскрыто,
Коль хочешь убить его,—можешь,
Но такъ какъ ты въ немъ, въ этомъ сердцѣ,—
Убивши, умрешь и сама.

44.

У ногъ твоихъ сердце мое,
И ты не поднимешь его!
О, горькое сердце мое,
Ни отдыха сердцу, ни сна!

45.

Подъ окномъ твоимъ разрушь
Мостовую и взгляни,
Ты увидишь тамъ слѣды

Моего коня;
А смети еще песокъ,
И увидишь ты слѣды,
Что оставилъ я.

46.

Ты скажи мнѣ, наконецъ,
Что жь, уйти мнѣ иль остаться,
Ибо такъ я прямо таю,
Словно соль въ водѣ.

47.

Хоть бы стала ты змѣею,
Хоть ушла бы прямо въ море,
Хоть въ пескѣ бы ты зарылась,
А женюсь я на тебѣ.

48.

Я убѣгаю и ты убѣгаешь,
Кто упорнѣе, это увидимъ.
Я какъ солнце ищу тебя, гдѣ ты?
Ты какъ день отъ меня ускользаешь.

49.

Я въ глубочайшую пещеру,
Что въ средоточьи океана,
Уйду, коль только не достигну
Того, о чемъ замыслилъ я.

50.

Отъ капели неустанной
Самый твердый камень мягче.
Я вздыхаю, но не въ силахъ
Сердце я твое смягчить.

51.

Моей владѣть ты будешь жизнью,
Коль соотвѣтствовать сумѣешь.
Но перемѣнчива ты, знаю,
Ты женщина въ концѣ-концовъ.

52.

Я тебя полюблю, мой желанный,
Коль признанья твои не обманны;
Но коль ты непризнательнымъ будешь,
Саванъ мнѣ приготовь.

53.

Это мой вкусъ—только съ тѣмъ говорить,
Кто понимаетъ, что я говорю,
Тѣхъ забывать, кто меня забываетъ,
Кто меня любитъ,—любить.

54.

Чтобы тебя я полюбила,
Должна пять разъ я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю, о, жизнь, тебя любить.

55.

Коль я себя не понимаю,
Ужь кто жь тогда меня пойметъ:
Что не люблю тебя, твержу я,
А по тебѣ схожу съ ума.

56.

Ну, скорѣй, иди, не бойся,
Ну, иди къ моей родимой,
Нѣтъ тебѣ она не скажетъ, —
Сердце мнѣ про то вѣщаетъ.

57.

Матери твоей сказалъ я,
А отцу сказать не смѣю,
Но коль матери извѣстно,
И отецъ узнаетъ тотчасъ.

58.

Какъ родимой я сказала,
Мнѣ она въ отвѣтъ: „Увидимъ".
Недурной отвѣтъ. Сыграемъ
Свадебку съ тобой.

59.

До послѣдней капли крови
Всю бы кровь тебѣ я отдалъ,
Чтобы только ты жила ей,
Говоря всегда мнѣ: Да.

60.

Хвала, на меня ты взглянула!
Хвала, на тебя я взглянулъ!
Хвала, ты меня полюбила!
Хвала, я тебя полюбилъ!

Сѣтованья.

1.

Началъ изъ каприза,
Продолжалъ какъ прихоть,
Закрѣпилъ въ безсонномъ,
Кончилъ же тоской.
Это оттого-то
Страшны мнѣ капризы
Болѣе, чѣмъ смерть.

2.

Любовь тѣснитъ меня
Съ такой упрямостью,
Что милліоны мнѣ
Терзаній шлетъ.

3.

Боль въ груди у меня,
А враги говорятъ,
То не боль, а любовь,
Укрѣпляясь, ростетъ.

4.

Я думалъ, что любить
Не больше, какъ игрушка,
А вижу я, что тутъ
Проходишь черезъ смерть.

5.

Я думалъ, что, ежели любишь,
Совсѣмъ легко позабыть,
А этотъ заулокъ столь узокъ,
Что вошелъ—и не выйдешь назадъ.

6.

Я былъ, какъ началъ я любить,
Совсѣмъ-совсѣмъ мальчонкой,
Когда же я открылъ глаза,
Я былъ въ своей могилѣ.

7.

На меня кто ни посмотритъ,
Говорятъ:—Ахти, бѣда!
Вѣдь совсѣмъ еще мальчонка,
А попалъ въ тюрьму любви.

8.

Каждымъ утромъ, каждымъ утромъ
Розмаринъ я вопрошаю,
Излѣчима ль боль любви,
Отъ любви я умираю.

9.

Пошелъ я въ поле,
Спросилъ фіалку,
Намъ отъ любви,
Молъ, есть лѣкарство?
Мнѣ отвѣчала,
Что нѣтъ лѣкарства
И быть не можетъ.

10.

Святая Тереза въ пещерѣ
Надѣла, молясь, власяницу,
А мнѣ-то пришлося, а мнѣ-то
Надѣть власяницу любви.

11.

Бѣлый-бѣлый голубочекъ,
Весь, какъ облакъ, бѣленькій,
Клюнулъ въ грудь меня, родная,
Очень больно сдѣлалъ мнѣ.

12.

У меня кинжальный шрамикъ,
Раненъ дѣвушкою я.
Никогда кинжаломъ не былъ
Я такъ больно пораженъ.

13.

Я влюбился въ воздухъ,
Въ воздухъ, въ женскій духъ;
Женщина есть воздухъ,
Въ воздухѣ вишу.

14.

Пой, жизнь моя, пой,
Пой и больше не плачь;
Если пѣсни поются,
Веселятся сердца.

15.

Долженъ съ пѣсней умереть,
Ибо съ плачемъ я родился,
Счастье кончилось навѣки
Въ этомъ мірѣ для меня.

16.

Кто поетъ, тотъ бѣду свою гонитъ,
А кто плачетъ, ее умножаетъ;
Я пою, чтобы эти тоскишки
Не терзали меня.

17.

Хоть видишь, что пою я,
Поетъ лишь ротъ;
А сердце дышитъ болью,
Въ немъ боль ростетъ.

18.

Кто мое услышитъ пѣнье,
Тотъ подумаетъ—я веселъ,
А неправда: я—какъ птица,
Что поетъ и умираетъ.

19.

Не убивай, не убивай,
Дай мнѣ пожить, дай мнѣ пожить,
Дай мнѣ пройти, дай мнѣ пройти
Чрезъ боли въ этомъ мірѣ.

20.

Сердце мое
Черно, какъ колонны
Въ храмѣ Соломона.

21.

Въ груди моей, въ сердцѣ
Какъ мельничный жерновъ:
Могу ли я сѣтовать,
Можешь ты видѣть.

22.

Сердце мое схватили
И въ тюрьму его заключили,
И хоть нѣтъ за нимъ преступленья,
Къ смерти его присудили.

23.

Печальное сѣтуетъ сердце,
Печально его вопрошаю:
— Почему ты умерло, сердце?—
Говоритъ:—Потому, что любило.

24.

Говорилъ тебѣ, сердце,
И опять повторяю:
Не стучись въ эту дверь,
Здѣсь тебѣ не откроютъ.

25.

Ахъ, я, бѣдный, ахъ, бѣдняжка,
Вздохи вѣтру отдаю,
У меня беретъ ихъ вѣтеръ,
А никто ихъ не сбираетъ.

26.

У ногъ моей матери
Родился я съ плачемъ,
Возвѣщая тѣ бѣды,
Что терплю я теперь.

27.

Я посѣялъ въ дернѣ
Зерна чарованья,
Оросилъ слезами,
Да умретъ рыданье.

28.

Страдаю, плачу,
Терплю, вздыхая,
Люблю—и этимъ
Я все сказалъ.

29.

Если бъ слезы, что роняю,
Въ камни обратились,
Я на морѣ на соленомъ
Выстроилъ бы крѣпость.

30.

Въ моей груди, внутри меня,
Двѣ лѣстницы хрустальныя,
Одной восходитъ боль моя,
Другой нисходитъ отдыхъ мой.

31.

Птицы въ Аравіи
Вѣчно живутъ,
Ибо не знаютъ,
Что̀ есть тоска.
Если бы вѣдали,
Въ мірѣ бы не было
Птицъ Аравійскихъ.

32.

Мысль моя
Словно дымъ:
Поднимаяся,
Таетъ.

33.

Я раненъ безъ крови,
Я мертвый безъ стали,
Тоскуя, живу я,
Въ тоскѣ умираю.

34.

Безъ жизни живу я,
Живя въ этой жизни:
Живу—не живу я,
Живя, умираю.

35.

Одна я, одна родилась,
Одну меня мать породила,
Одна я должна померeть.
Одиночество, будь же со мною.

36.

Ужь въ окошко не гляжу я
Въ то, въ которое глядѣла я,
А въ окошко я гляжу,
Что выходитъ въ одиночество.

37.

— Чего поѣлъ ты,
Что такъ ты блѣденъ?
— Поѣлъ я пепла
Огней любви.

38.

Я не знаю, кто былъ я,
Я не знаю, чѣмъ былъ:
Я есмь образъ печали,
Прислоненный къ стѣнѣ.

39.

Смерти сказалъ я:
Дай свою руку,
Ибо по жизни
Усталъ я ходить.

Но смерть не приходитъ,
Когда ее кличешь,—
Боишься ее, такъ придетъ.

40.

Смерть я воззвалъ и промолвилъ ей,
Чтобы пришла, унесла меня,
Смерть свой отвѣтъ возвѣстила мнѣ:
Жди и терпи.

Ненависть и презрѣніе.

1.

Любить—любилъ, возненавидѣлъ,
Разъ любишь, нѣтъ тутъ преступленья:
Вѣдь я, когда возненавидѣлъ,
Былъ болѣе чѣмъ ненавидимъ.

2.

Не хочу, чтобъ меня ты хотѣлъ,
И тебя не хочу я хотѣть,
Но чтобъ ты ненавидѣлъ меня,
И хочу ненавидѣть тебя.

3.

Вижу, меня ты не любишь,
Купилъ я себѣ не любви,
Славную сдѣлалъ покупку,
Тотчасъ тебя не взлюбилъ.

4.

Прочь съ глазъ моихъ,
Чтобы не видѣть:

Ты мнѣ противенъ,
Какъ смертный грѣхъ.

5.

Какъ раньше тебя я любила,
Такъ мнѣ ты теперь ненавистенъ,
Я въ церкви тебя увидала,—
Обѣдни лишилась—ушла.

6.

Башмачокъ я разорвала,
Чѣмъ бы мнѣ его зашить?
Ахъ, отлично: остріями,
Злыхъ и лживыхъ языковъ.

7.

О, чтобъ Богъ меня услышалъ,
И чтобъ камни возопили,
И чтобъ ты узналъ возмездье,
Какъ желаю я его!

8.

Моего умоляю я Бога,
Да умрешь, какъ меня убиваешь,—
Да увижу моими глазами,
Что ты любишь, и ты нелюбимъ.

9.

Да угодно Всевышнему будетъ,
Чтобъ въ тюрьмѣ очутился ты темной,
И чтобъ вся твоя, вся твоя пища
Черезъ руки мои проходила!

10.

Я тебѣ посылаю проклятье,—
Да свершится отнынѣ неложно,
Чтобы денегъ имѣлъ ты съ излишкомъ,
Но чтобъ вкуса тебѣ не хватало!

11.

Успѣвай, уходи себѣ съ Богомъ!
Ничего къ тебѣ злого не кличу...
Да не знаешь ни часа покоя
До тѣхъ поръ, какъ живешь въ этомъ мірѣ!

12.

Сколько листьевъ въ лѣсу многоствольномъ,
На горахъ, что стоятъ предъ Гранадой,
Да умчитъ тебя дьяволовъ столько
Въ часъ, какъ вспомнишь меня!

13.

Мать! Кто былъ причиной лютой
Злонесчастья моего,
Пусть утратитъ, мигъ за мигомъ,
Крылья сердца своего!

14.

Чтобъ въ тебя угодили кинжаломъ,
И чтобъ въ Римѣ святѣйшій отецъ
Излѣчить эту рану не могъ!

15.

Пусть тебя ранятъ кинжаломъ,
Сердце пронижутъ твое;
То, что со мною ты сдѣлалъ,
Да не проститъ тебѣ Богъ!

16.

Онъ да погибнетъ отъ кинжала,
Кто научилъ меня любить:
Владѣла чувствами своими,—
Утратила надъ ними власть.

17.

Сердце мое, какъ ребенокъ,
Тебѣ показало хотѣнье,
Ты имъ пренебрегъ—уходи же,
И скорѣй да застрѣлятъ тебя!

18.

Ты больна, говорятъ мнѣ,
Богъ тебя да подниметъ...
Отъ постели до гроба,
Чтобы въ землю тебя!

19.

Хоть я пою, какъ видишь ты,
Я бѣшенствую въ пѣніи,
Затѣмъ, что я, какъ женщина,
Безсильна отомстить.

20.

Если твой языкъ изсохнетъ,
Замолчитъ въ параличѣ,
Никого не обвиняй ты,—
То проклятія мои.

21.

Я хотѣла бы быть василискомъ,
На часы, на часы и минуты,
Убивала бъ, кого пожелаю,
Отдыхало бы тѣло мое.

22.

Есть камни, и камень о камень
Стучится въ теченьи рѣки,
Молись, чтобъ тебѣ не столкнуться
Со мной на единомъ пути.

23.

Сплю, мыслишь? Нѣтъ, бодрствую.
И разъ попадешься мнѣ,
Сильнѣе мы схватимся,
Чѣмъ Франція съ Англіей.

24.

Я клянусь тебѣ, что гдѣ бы
Ты со мной ни повстрѣчалась,
У тебя оплаченъ гробъ.

25.

Время просилъ я у времени,
И вотъ мнѣ время отвѣтило:
Случится, конечно, со временемъ
И время, и мѣсто, и все.

26.

Тебя я любилъ—достовѣрно,
Тебя позабылъ я—не ложь,
Затѣмъ, что цвѣты на деревьяхъ
Не длятся всю жизнь.

27.

Что тебя любила—правда,
Отрицаться было бъ глупо,
Но, хотя бъ сто лѣтъ ты прожилъ,
Для меня мертвецъ.

28.

Говорятъ мнѣ, меня ты не любишь,
Знаетъ Богъ, какъ мнѣ радостно это:
По природѣ своей я послушна,
Только то, что ты любишь, люблю.

29.

Если хочешь, чтобъ сказалъ я,
Въ пѣснѣ я тебѣ скажу:
Какъ любовь къ намъ приходила,
Такъ же точно и ушла.

30.

Замокъ создалъ я изъ перьевъ,
Вѣтеръ вдругъ его унесъ.
Я любовь къ тебѣ лелѣялъ,
Побыла, и нѣтъ ея.

31.

Не говори, что тебя я любилъ,
Не говори, что меня ты любила,
Лучше скажи—это былъ лишь капризъ,
Такъ, у обоихъ причуда.

32.

Тебя я когда-то
Любила, не знала,
На какую ты ногу хромъ,
Уловки твои были новы.
Теперь я тебя понимаю;
Повѣрь, ты не будешь находкой,
Что стала бы я ревновать.

33.

Любить тебя было капризъ,
Говорить съ тобой было причуда,
А забыть тебя было услада,
Потому что тебя не любила.

34.

Какъ мнѣ вѣсть передавали,
Что меня не любишь ты,
Въ морѣ я не утопилась...
Холодна была вода.

35.

Какъ мнѣ вѣсть передавали,
Что меня не любишь ты,
Въ нашемъ домѣ даже котъ,
На меня смотря, смѣялся.

36.

Иди, тебя ужь не люблю я,
Моя любовь совсѣмъ прошла;
Тебя я вымела изъ сердца,
И хорошо метла мела.

37.

Иди, ступай, иль оставайся,
Мнѣ все равно, любовь прошла;
Иди, воришка неразумный,
Теперь другую обмани.

38.

Иди, ужь тебя не люблю я,
Иди, ты мнѣ больше не милъ,
Иди, проводи свое лѣто,
Гдѣ зиму свою проводилъ.

39.

Я любилъ одну недѣлю,
А другую не любилъ,
Потому что такъ хотѣлось.

40.

Отъ огня твоей свѣчи
Я ужь больше не сгораю.
То, что было и прошло,
Это словно не бывало.

41.

Что ни утро—я къ обѣднѣ,
Чтобы въ церкви помолиться,
Вознести благодаренья,
Что избавленъ отъ тебя.

42.

За то, что видѣлъ,
Благодаренье;
Будь, чьей желаешь,
Я—вовсе мой.
Освободился
Твоей свободой,
Кто былъ твой рабъ.

43.

Соль имѣю, хоть немного,
Но запомни и замѣть:
Соль свою я съ тѣми трачу,
Съ кѣмъ угодно тратить мнѣ.

44.

Товарищъ, товарищъ,
Съ тобой не хочу я
Товарищемъ быть,
Хоть бы въ Рай намъ идти.

45.

Ты далъ мнѣ гвоздику,
Въ ней алость горѣла,
Возьми же тамъ пепелъ,
Ее я сожгла.

46.

У меня ничего твоего,
А когда бы я что имѣла,
Я въ огонь бы швырнула его,
Чтобъ сгорѣло.

47.

Мой милый, вотъ мой нравъ, запомни:
Не помираю ни по комъ,—
Коли приходишь, принимаю,
Коли уходишь, добрый путь.

48.

Кто, вѣтку срѣзая,
Не трогаетъ корень,
То знакъ, что онъ хочетъ
Къ ней снова вернуться.
Но я не такой:
Коль вѣтку срѣзаю,
И корень долой.

49.

Свѣча дымитъ и погасаетъ,
Что было въ ней горѣть, сгорѣло,
Не говорю тебѣ—уйди,
Не говорю тебѣ—останься.

50.

Что тебѣ за польза плакать
И кричать, какъ сумасшедшій?
Я вѣдь женщина, ты знаешь,
Измѣнить тебѣ должна.

51.

Говорилъ, меня любишь такъ сильно.
Изъ-за меня умираешь:
Умри, чтобы я увидала,
Тогда я скажу тебѣ: „Да".

52.

Я влюбился ночью,
Солгала луна мнѣ.
Если вновь влюблюсь,
Такъ ужь днемъ, при солнцѣ.

53.

Бѣлая, сказалъ ты,
Чтобы посмѣяться.
Я смуглянка, щеголь,
Только не твоя.

54.

Я тебя любилъ когда-то,
А ужь больше не люблю,
Ибо встрѣтилъ я голубку,
Чей возвышеннѣй полетъ.

55.

Говорятъ, что не любишь ты,
Что не любишь меня,
Если дверь запирается,
Сто дверей раскрываются.

56.

Меня полюбилъ ты, меня позабылъ ты,
И снова меня полюбилъ;
Когда башмаки я свои износила,
Я больше ужь ихъ не ношу.

57.

Башмаки, что износила
И швырнула въ грязь,
Если кто другой надѣнетъ,—
Что мнѣ изъ того?

58.

Въ улицѣ этой живетъ,
Живетъ и жила,
Моего жениха невѣста,
Моя супротивница.
А я-то смѣюсь,
Что она подбираетъ
Остатки мои.

59.

Если хочешь забыть ты меня,
Помѣсти на балконѣ своемъ
Эту надпись, гласящую:
„Ужь окончилось".
А напротивъ и я помѣщу
Эту надпись, гласящую:
„Вплоть до смерти".

60.

Скажите тому молодцу,
Что стоитъ на углу и ждетъ,—
Что разъ у него лихорадка,
Пусть хины онъ приметъ.

61.

Уйди съ угла,
Юнецъ,—вѣдь дождикъ,
И дай водѣ
Бѣжать, гдѣ нужно.

62.

Иди и притязанья брось,
Замѣть еще себѣ, что ты
Ничѣмъ особымъ не отмѣченъ.

63.

Не взносися такъ высоко,
Ты вѣдь здѣсь не королева,
Я безъ лѣстницы дерзаю
До тебя достать.

64.

Слишкомъ много изощреній,
Ты какъ будто наступилъ
На цвѣтокъ, чье имя глупость.

65.

Съ тѣхъ поръ, какъ ваша милость
По улицамъ гуляетъ,
Совсѣмъ не продаются
Удилища нигдѣ.

66.

Невѣста двадцати влюбленныхъ,
Нейдущая ни съ кѣмъ вѣнчаться,
Коль королю себя ты прочишь—
Въ колодѣ картъ четыре ихъ.

67.

Иди и скажи своей матери,
Чтобъ тебя причесала она и умыла,
Чтобы снова тебя молочкомъ покормила
И тебя бы мужчиною быть научила.

68.

Безъ цѣпей!
Дышу свободно,
Наслаждаюсь
Волей мысли.
Какъ доволенъ,
Что ушелъ я
Прочь отъ рабства!

69.

Любилъ—терзался
И ревновалъ,
Изъ золъ жестокихъ
Я изошелъ.
Теперь спокоенъ,—
Не воспылаю,
Не задрожу.

70.

Когда-то любилъ я,
Любви больше нѣтъ,
Скажу тебѣ точно:
Доволенъ весьма.
Довольно любви мнѣ,
Жить вольнымъ хочу,
Довольно любви!

Серенада.

1.

Если бъ зналъ я, жизнь моя,
Что ты слушаешь меня,
Я бы пѣлъ, какъ соловей,
Вплоть до утреннихъ лучей.

2.

Слово пѣсни—капля меда,
Что пролилась черезъ край
Переполненнаго сердца.

3.

Я иду впередъ, какъ плѣнникъ,
Тѣнь моя идетъ за мною,
Предо мною — мысль моя.

4.

Изъ Мадрида я пришелъ
По шипамъ и по колючкамъ,
Чтобъ тебя увидѣть только,
Ты, очей моихъ гвоздика.

5.

Предстань предъ окномъ твоимъ,
Луна полноликая,
Звѣзда предразсвѣтная,
Зеркальность моя.

6.

Приблизься къ этому окошку,
О, ликъ расцвѣтнаго жасмина,
Тебѣ слагаетъ серенаду,
Кто будетъ мужемъ для тебя.

7.

Въ этой улицѣ, сеньоръ,
Всѣ вы пѣть должны звучнѣе,
Здѣсь цвѣтетъ при входѣ — роза,
А при выходѣ — гвоздика.

8.

Предстань же у окна,
И мы тебя увидимъ,
И свѣтомъ глазъ твоихъ
Закуримъ мы сигару.

9.

Съ этими кудрями золотыми,
Вдоль лица упавшими впередъ,
Кажешься ты башней золотою,
Въ церковь призывающей народъ.

10.

Едва увидалъ, полюбилъ,
Какъ поздно, мое наслажденье,
Тебя я хотѣлъ бы любить
Отъ самой минуты рожденья.

11.

Увидать, пожелать, полюбить,
Это все такъ случилось внезапно.
Я не знаю, что раньше пришло,
Полюбилъ ли тебя иль увидѣлъ.

12.

Приблизься къ этому окошку,
О, красота земли,
Увидишь тотчасъ ты, что солнце
Остановило бѣгъ.

13.

Сердце мое и твое
Между собой совѣщались,
Было у нихъ рѣшено,
Что жить имъ въ разлукѣ нельзя.

14.

Счастіе міра проходитъ,
Время и жизнь исчезаютъ,
То, что всегда остается,
Это — любовь.

15.

Не знаю, что такое,
Что въ первой есть любви,
Такъ властно входитъ въ душу,
А выйти ей нельзя.

16.

Первая любовь —
Вплоть до самой смерти,
Всѣ любви другія
Вспыхнутъ и умрутъ.

17.

Подъ грудою пепла
Огонь сохранится,
Чѣмъ дольше разлука,
Тѣмъ тверже любовь.

18.

Луна заскучала о солнцѣ
За три часа до разсвѣта,
Такъ о тебѣ я скучаю,
Жизнь и блаженство мое.

19.

Родилось святое Воскресенье,
На челѣ его горитъ звѣзда,
Со звѣздой родилась я, смуглянка,
Та звѣзда—любить тебя всегда.

20.

Красавица нѣжно спала,
Во снѣ говорила:
— Гдѣ же мой милый? О, гдѣ?
Жизнь безъ него мнѣ могила.

Проснись, наклонись же ко мнѣ.
Ты видишь, о, мой повелитель,
Тебя я люблю — и во снѣ.

21.

Если бъ луна не убывала,
Я бы сравнилъ ее съ тобой,
Нѣтъ, я сравню тебя съ солнцемъ
Съ солнцемъ и съ утренней звѣздой

22.

Сердце мое, летая,
Въ грудь къ тебѣ залетѣло,
Вдругъ утратило крылья,
И вотъ осталось внутри.
Ты люби его крѣпче,
Сердце мое ужь не можетъ
Теперь улетѣть отъ тебя.

23.

Любовь моя къ тебѣ
Какъ тѣнь идетъ впередъ,
Чѣмъ дальше отъ тебя,
Тѣмъ болѣе ростетъ.

24.

Слава Богу, что пришелъ я
Къ этой нѣжной голубятнѣ,
Здѣсь живетъ одна голубка,
Чьи—серебряныя крылья.

25.

Слава Богу, что пришелъ я,
Увидалъ любовь мою,
Слава Богу, что пропѣлъ я,
Слава Богу, что пою.

26.

Я знаю, что ты въ постели,
Но что сонъ къ желанной нейдетъ,
И слушаешь ты:—Въ самомъ дѣлѣ?
Мой милый? Онъ пѣсню поетъ?

27.

Просыпайся, просыпайся,
Пробудиться мигъ приспѣлъ:
Развѣ это справедливо,
Чтобы я для спящей пѣлъ?

28.

Ты горишь звѣздой полярной,
Что ведетъ плывущихъ въ морѣ,
Съ той поры, какъ ночь наступитъ,
До того, какъ день настанетъ.

29.

Если въ Адъ пойдешь ты,
Я пойду съ тобой,
Если ты со мною,
Всюду Рай со мной.

30.

Приблизился мѣсяцъ къ заходу,
Отъ кровель спускаются тѣни.
О, какъ мнѣ разстаться съ блаженствомъ
Гвоздикъ позлащенныхъ твоихъ!

31.

Прощаются двое влюбленныхъ
Подъ тѣнью зеленой оливы,
И горько прощанье влюбленныхъ,
Какъ горечь зеленой оливы.

32.

Я быть безъ тебя не могу,
Я жить не могу не любя,
И жизнь я утрачу свою,
Когда я уйду отъ тебя.

33.

Я видѣлъ, какъ жилъ человѣкъ,
Имѣвшій сто шрамовъ кинжальныхъ,
Я видѣлъ, какъ умеръ онъ вдругъ
Отъ силы единаго взгляда.

34.

Говорятъ, ты уходишь, уходишь,
Говорятъ, ты уходишь, мой милый,
Если пить ты захочешь въ разлукѣ,
Не касайся до влаги забвенья.

35.

Я съ твоей прощаюсь дверью,
Словно солнце со стѣнами:
Солнце вечеромъ уходитъ,
Чтобы утромъ вновь придти.

36.

Прощай, серафимъ безсмертный,
Прощай, серафимъ прекрасный,
Я ухожу съ надеждой
Снова увидѣть тебя.

37.

Пусть Богъ пребываетъ съ тобою,
Пусть небо тебя охраняетъ,
Звѣзда пусть тобой руководитъ,
И ангелъ тебя провожаетъ.

38.

Прощай, волшебница души,
Прощай, восторгъ существованья,
Прощай, полярный свѣтъ любви,
Прощай, о, море упованья!

39.

Хоть ухожу, не ухожу я,
Хоть ухожу, не отлучаюсь,
Хоть ухожу своею пѣсней,
Не ухожу своей мечтой.

40.

Прощай, возлюбленное сердце,
Прощай, побѣда красоты,
Прощай, жасминъ, прощай, гвоздика,
Прощайте, свѣтлыя черты.

Колыбельныя пѣсни.

1.

Засыпаетъ роза,
Вся въ росѣ блестя.
Наступаетъ вечеръ,
Спи, мое дитя.

2.

Спи, мое дитятко малое,
Нѣжу я дѣтку мою,
Вотъ колыбель закачалася,
Баюшки-баю-баю.

3.

Предъ дверью, что въ Рай ведетъ,
Продаютъ башмачоночки,
Для маленькихъ ангеловъ,
Которые босы.

4.

— Вы, птички-щеглятки,
Чего вы поѣли?
— А супцу изъ миски,
Водички изъ рѣчки.

5.

На дѣтокъ, что дремлютъ,
Богъ ласково смотритъ,
Недремлющей матери
Богъ помогаетъ.

6.

Ты усни, мое дитятко,
Спи же, сердце мое,
Съ нами Дѣва Пречистая,
Съ нами Божье Дитя.

7.

Ты усни, мое дитятко,
Ты усни, мое счастьице,
А то Дѣва Скорбящая
Съ неба видитъ тебя.

8.

Ребенку мать „Усни“ твердитъ,
Ребенокъ на нее глядитъ,
Въ одномъ его глазкѣ: „Кись! кись!“
Въ другомъ его глазенкѣ: „Брысь!“

9.

Спи, дитятко, ну, задремли же,
А то къ намъ придетъ домовой,
Тѣхъ дѣтокъ, что спятъ неохотно,
Къ себѣ онъ уноситъ домой.

10.

Больненькимъ видѣть тебя
Сердце мое разрываетъ,
Плачу, когда я пою,
Голосъ въ груди погасаетъ.

11.

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что съ тобою будетъ,
Если я умру?

12.

— Баю-бай, мое дитятко,
Баю-бай, засыпай.
— Въ колыбелькѣ, родимая,
Ты меня укачай.

13.

— Баю-бай, баю-баю,
Баю-бай тебѣ пою.
— Колыбель, родная, рай,
Колыбель мою качай.

14.

Не бойся, малютка,
Спи, дѣтка моя,
Пусть воютъ собаки,
Пусть вѣтры свистятъ.

15.

Спи, дитя ненаглядное,
Жизнь моя, засыпай,
У твоей колыбелечки
Мать родная не спитъ.

16.

Все, что малюсенько,
Очень мнѣ нравится,
Даже гримасочки,
Если въ полчетверти.

17.

Сердчишко мое,
Не плачь и не бейся,
Я съ вѣстью любви,—
Засмѣйся, засмѣйся.

18.

Усни, дитя, усни, дитя,
А то придетъ цыганка,
И глянетъ къ намъ, и спроситъ тамъ:
Кто плачетъ спозаранка?

19.

Спи, дитятко родное,
Спи, дѣточка. Уснула
Съ открытыми глазами,
Какъ боязливый зайчикъ.

20.

Не выходи ты замужъ,
Останься вѣчно дѣткой,
А то на щечкахъ розы
Отъ поцѣлуевъ вянутъ.

21.

Спи, малютка, задремли же,
И не плачь здѣсь въ долгу ночь,
А не то всѣ ангелочки
Удалятся прочь.

22.

Усни, мое дитятко, спи же,
Не плачь и усни же, я тутъ,
А то къ намъ придутъ ангелочки
И въ небо тебя унесутъ.

23.

— Мой мальчикъ, мой милый,
Ты умеръ, замкнулся.
— Не плачь, моя матушка,
Смотри, я проснулся.

24.

Не плачь, моя дѣтка,
Что вянутъ цвѣточки,
Есть новая вѣтка,
И снова цвѣточки.

25.

Баю-баюшки-баю,
Потеряла жизнь мою.
Баю-баю-баю-бай,
Снова въ жизни свѣтитъ рай.

26.

Эа-ля-эа,
Эа-ля-эа!
Въ сонъ твой да смотрится
Святой Іоаннъ.

27.

Мое дитя ко сну отходитъ,
Да спитъ и радуетъ меня,
Какъ у святого Іоанна
Пусть длится сонъ его три дня.

28.

Эа-ля-нана,
Эа-ля-нана!
Звѣздочка утра,
Спи, еще рано.

29.

Эа-ля-ро-ро,
Эа-ля-ро-ро!
Спи. Просыпаться намъ
Еще не скоро.

30.

Нѣтъ у этого малютки,
Нѣту матери родимой,
Родила его цыганка
И подкинула его.

31.

Спи, мое дитятко, спи,
Нѣтъ твоей матери дома.
Пречистая Дѣва Марія
Взяла ее въ домъ свой служить.

32.

Спи, моя дѣточка,
Ты, незамѣтная,
Спи, моя звѣздочка,
Спи, предразсвѣтная.

Изъяснительныя замѣчанія. Признанія.

Къ пѣснѣ 2-й.—Образъ глазъ-солнцъ часто повторяется какъ въ Испанской поэзіи, такъ и въ Индійской, съ которою поэзія Испанская являетъ часто поразительное сходство, — надо думать, въ виду повышенной страстности того и другого народа.

Къ пѣснѣ 8-й.—Въ Испаніи доселѣ не рѣдкость пѣніе пѣсенъ подъ балкономъ, съ аккомпаниментомъ гитары. Пѣсни при этомъ и припоминаются и, вызываемыя тѣми или иными обстоятельствами, рождаются новыя, внезапно.

Къ пѣснѣ 9-й.—Сѣверянину нѣсколько странно слышать, какъ мужчина говоритъ, что его болѣе не веселятъ ни розы, ни жасмины. Для этого нужно любить цвѣты такъ, какъ ихъ любятъ въ Испаніи или Мексикѣ. Въ Испаніи вы постоянно можете видѣть, какъ возчикъ, лежащій на телѣгѣ, нагруженной чѣмъ-нибудь совсѣмъ не стихотворнымъ, мурлычетъ пѣсню, а во рту его стебель цвѣтка, красная головка котораго нарядно покачивается.

Къ пѣснѣ 11-й.—Шутливая форма многихъ Испанскихъ пѣсенъ, указывающая на южную грацію и тонкость ощущенія, совсѣмъ не указываетъ на шуточность чувствъ. Въ Испанскомъ нравѣ много тигринаго, кошачьяго. И Испанцы любятъ играть мягкими лапками, въ которыхъ спрятаны когти. Любятъ танцовать—вкругъ костра и надъ срывомъ.

***Къ пѣснѣ** 13-й.*—Это напоминаетъ извѣстную пѣсенку Гейнриха Гейне, въ „Buch der Lieder“. Поэзія Гейне, вообще очень близкая къ народной поэзіи, особливо родственна съ Испанскими народными пѣснями.

***Къ пѣснѣ** 14-й.*—Эта пѣсенка, сколько могъ замѣтить, особенно знаменита среди Испанцевъ. Имъ молчать, когда они любятъ, труднѣе, чѣмъ Норвежцу или Англичанину.

***Къ пѣснѣ** 26-й.* — Въ своей поэмѣ „Эпипсихидіонъ“ Шелли, обращаясь къ Эмиліи Вивіани, говоритъ (Шелли, т. 3-й):

О, если бы мы были близнецами!

И далѣе:

...Хочу тобой дышать.
Ты слишкомъ поздно стала мной любима,
Я слишкомъ скоро началъ обожать
Тебя, мой ко́рмчій, призракъ серафима...
Тебя я долженъ былъ бы на землѣ
Сопровождать отъ самаго рожденья,
Какъ тѣнь дрожать, склоняясь и любя,
Горѣть тобой и жить какъ отраженье.
Не какъ теперь:—О, я люблю тебя!

***Къ пѣснѣ** 27-й.*—Воспоминаніе о встрѣчѣ душъ, бывшей до встрѣчи тѣлъ, до встрѣчи двухъ душъ, вотъ въ этихъ двухъ тѣлахъ, состояніе хорошо извѣстное каждому, кто воистину любилъ.

***Къ пѣснѣ** 28-й.*—Вѣчная легенда Эроса и Психеи.

***Къ пѣснѣ** 33-й.*—Есть такая разнопѣвность:

Говорятъ, что черное есть трауръ,
Говорятъ, что алое—веселье,
Нарядись въ зеленое, малютка,
Будешь ты надеждою моей.

Въ „Romancero General“—нѣчто въ родѣ нашихъ исторических былинъ—читаемъ, между прочимъ, описаніе ревнующаго кабальеро (2-a ed. I, ns. 46, 49).

Шесть его сопровождаютъ
Слугъ, что служатъ господину,
Всѣ въ зеленое одѣты:
Цвѣтъ надежды при любви.
На копьѣ, съ желѣзкой рядомъ,
Голубую мчитъ онъ ленту:
Это—ревность, тѣхъ, кто любитъ,
Заставляетъ прегрѣшать.

Испанскій народъ сохраняетъ въ пѣсняхъ эту символику. Примѣръ тому—слѣдующія *coplas*.

Ужь давно, какъ зеленое
Мнѣ даетъ безпокойство,
Ибо всѣ мои чаянья
Обернулись въ лазурныя.

Говорятъ, что меня ты не любишь,
Мнѣ мало до этого дѣла,
Одѣваюсь завтра я въ трауръ
Изъ бѣлой тафты.

Сколь многіе съ надеждой
Превесело живутъ!
Ословъ на свѣтѣ сколько
Зеленое ѣдятъ!

Знаменитый Гонгора, Испанскій утонченникъ старинныхъ временъ, писавшій за 300 лѣтъ до нынѣшнихъ „декадентовъ“, также любилъ символику красокъ.

Цвѣточки розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня голубые,
А завтра будутъ медъ.
Ревнуешь ты, малютка...

У разныхъ народовъ символика красокъ разная. Въ то время, какъ Испанцы связываютъ ревность съ голубымъ цвѣтомъ, Отелло погибаетъ мучимый зеленоглазымъ чудовищемъ ревности. Бретонцы полагаютъ, что голубой цвѣтъ неба есть цвѣтъ времени. Древніе Майи считали голубой цвѣтъ символомъ святости и цѣломудрія, а отсюда—счастія, какъ освобожденія отъ путъ вещества. Въ Египтѣ и въ Индіи голубой—это цвѣтъ боговъ. Вишну на своемъ семиглавомъ змѣѣ—голубой. Въ Египтѣ, въ Майѣ и въ Халдеѣ голубой цвѣтъ связывался со смертью и употреблялся при похоронахъ, какъ это доселѣ въ Бухарѣ. Желтый—въ Китаѣ и въ Майѣ — принадлежность царской фамиліи, красный — благородныхъ. Великій Египетскій сфинксъ былъ окрашенъ въ красный цвѣтъ. Римскіе солдаты выкрашивали свое тѣло въ красное—въ знакъ побѣдительной храбрости. У многихъ народовъ красный есть цвѣтъ жизни и страсти.

Символика и тайный смыслъ цвѣтовъ очень интересная и мало разработанная область. Вліяніе каждаго отдѣльнаго цвѣта на возникновеніе отдѣльныхъ, совершенно опредѣленныхъ, душевныхъ состояній есть фактъ несомнѣнный. Но психологія красокъ различествуетъ весьма, когда мы имѣемъ дѣло съ особо впечатлительными художественными натурами. Я лично могу сказать про себя, что ярко-красный цвѣтъ и золотисто-желтый вызываютъ во мнѣ ликующую радость жизни, при чемъ алый цвѣтъ тревожитъ, а золотистый умиротворяетъ въ волненіи. Зеленый цвѣтъ доставляетъ тихую радость, счастіе длительное. Голубой—вызываетъ уходящую мечтательность. Темно-синій подавляетъ. Лиловый производитъ гнетущее впечатлѣніе, и даже свѣтло-лиловый—связанъ съ чѣмъ-то зловѣщимъ. Бѣлый и черный цвѣтъ, отрицаемые, какъ таковые, но признаваемые глазомъ, при

всемъ своемъ различіи производятъ однородное впечатлѣніе—изысканной красоты, благородства и стройности. Я сказалъ бы, что черный и бѣлый цвѣтъ, два эти предѣльные цвѣта, по ихъ дѣйствію на меня, такъ же похожи и такъ же различны, какъ черный лебедь и бѣлый лебедь. Ихъ одежда различна, а душа одна.

Въ своей поэмѣ „Фата-Моргана“ („Литургія Красоты“) я попытался свести въ художественное цѣлое свои ощущенія отъ различныхъ красокъ. Дальнѣйшую попытку въ этомъ направленіи, очень интересную, сдѣлалъ, въ будущемъ весьма крупный, но и теперь уже несомнѣнный, поэтъ, Сергѣй Городецкій, въ поэмѣ „Радуга“ („Дикая Воля“).

Настанетъ время — и оно не такъ далеко — когда жизнь наша, въ большихъ, въ великихъ городахъ, такъ же, какъ среди природы, построенная на принципѣ художественной гармоніи, каждому цвѣту дастъ опредѣленное мѣсто и точно выработанныя соотношенія, и мы будемъ играть красками съ той же увѣренностью и съ тѣми же великими послѣдствіями, какъ теперь мы играемъ электричествомъ и паромъ.

Къ пѣснѣ 34-й.—Есть разнопѣвность:

Протянись ко мнѣ, голубка,
Да войду въ твое гнѣздо.
Ты одна, мнѣ разсказали,
Я хочу съ тобой побыть.

Этотъ мотивъ повторяется различно.

— Птичка неба, разскажи мнѣ,
Гдѣ твое гнѣздо?
— А оно въ соснѣ зеленой,
Скрытно межь вѣтвей.

Подобная же Португальская пѣсня звучитъ съ угрожающей ироніей (Theophilo Braga, *Cancioneiro e romanceiro geral portuguez*, Porto, 1867, II, 75, 1):

Помираешь, чтобъ развѣдать,
Гдѣ постель моя. Но, слушай,
На прибрежьи, надъ рѣкою,
Тамъ, гдѣ шпажная трава.

Къ пѣснѣ 35-й.—Разнопѣвность:

Видитъ Богъ, что тебѣ бы я отдалъ,
За смуглый твой цвѣтъ золотистый,
Глаза мои, ясныя очи,
Хотя бы остался слѣпымъ.

Къ пѣснѣ 36-й.—Тотъ же мотивъ въ Итальянской пѣснѣ (Тоскана) (Giuseppe Tigri, *Canti popolari toscani*, Firenze. 1869, n. 337).

Въ двоихъ я, въ двухъ юношей я влюблена,
Къ кому прилѣпиться, никакъ не пойму я:
Поменьше—красивый, въ немъ чара нѣжна,
Того, кто побольше, терять не хочу я.
Тому, что поменьше, я жизнь отдала,
Тому, что поболѣе, пальму въ расцвѣтѣ.
Къ тому, что поменьше, душа вся ушла,
Къ тому, что поболѣе, пальма вся въ цвѣтѣ.
Тому, кто поменьше, все сердце, весь свѣтъ,
Тому, кто побольше, фіалокъ букетъ.

Къ пѣснѣ 37-й.—Разнопѣвность.

Полно, купидончикъ,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Знала я любовь.

Полно, купидончикъ,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Вѣрно, полюблю.

Къ пѣснѣ 39-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 112, 1):

Лишь одно твое словечко
Есть судьбы моей рѣшенье:
Скажешь: да, даешь мнѣ жизнь,
Скажешь: нѣтъ, и смерть мнѣ въ этомъ.

Къ пѣснѣ 41-й.—Разнопѣвность:

Я зовусь—*коль есть здѣсь мѣсто*,
Родственникъ—*когда есть случай*,
Братъ двоюродный—*коль можешь*,
Ждущій *да* или же *нѣтъ*.

Къ пѣснѣ 42-й.—Разнопѣвность:

Луна, чтобы выйти на волю,
Позволенія проситъ у неба,
И я, чтобъ съ тобой говорить,
Прошу позволенья смиренно.

Къ пѣснѣ 43-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 116, 5):

Вотъ возьми, предъ тобой мое сердце,
Если хочешь убить его, можешь,
Но замѣть, что внутри—это ты здѣсь,
Коль убьешь его, также умрешь.

Къ пѣснѣ 44-й.—Разнопѣвность:

У ногъ твоихъ сердце мое,
Возьми, чтобъ возсталъ я, взнесенный!
Взгляни, не люблю ли тебя,
У ногъ я твоихъ, побѣжденный!

Къ пѣснѣ 45-й.—Разнопѣвность:

Вырву камни въ улицѣ твоей,
Всю ее сплошнымъ пескомъ покрою,
Чтобы всѣ я видѣть могъ слѣды,
Тѣхъ, кто ходитъ подъ твою рѣшетку.

Къ пѣснѣ 46-й.—Итальянская пѣсня (Сицилія) (Giuseppe Pitré, *Canti popolari siciliani,* Palermo, 189, I, n. 136):

Или *да* мнѣ скажи,
Или *нѣтъ* мнѣ скажи,
Не могу же я быть
На поляхъ безъ межи.

Требуя опредѣленнаго отвѣта, влюбленный, взамѣнъ, можетъ предложить нѣчто опредѣленное — и онъ не скупится. Какъ восклицаетъ Испанскій поэтъ Беккеръ:

За взглядъ одинъ я міръ бы отдалъ,
За лучъ улыбки все бы небо,
За поцѣлуй... О, я не знаю,
Что далъ бы я за поцѣлуй!

Португальская же пѣсня говоритъ (Braga, II, 83, 7):

За одинъ твой нѣжный взглядъ
Далъ бы жизни половину,
За улыбку далъ бы жизнь,
За поцѣлуй я далъ бы вѣчность.

Къ пѣснѣ 47-й.—Разнопѣвность:

Хоть бы стала ты змѣею
И скользнула въ бездны моря,
За тобой я, за тобою,
Что замыслилъ, то свершу.

Къ пѣснѣ 48-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 71, 2):

Я влюбленный, влюбленная ты,
Кто изъ насъ будетъ болѣе твердый?
Я какъ солнце гонюсь за тобой,
Ты какъ тѣнь отъ меня убѣгаешь.

Къ пѣснѣ 50-й. — Всѣ, конечно, помнятъ Латинскій стихъ:

Gutta cavat lapidem, non vi, sed saepe cadendo.
Капля камень долбитъ, не силой, но частымъ паденьемъ.

Есть Португальская пѣсня (Braga, II, 17, 7):

Нѣтъ, нѣтъ, говоришь ты, не будетъ,
Любить никогда я не стану.
Вода упадаетъ на камень
Такъ долго, что камень смягчитъ.

Къ пѣснѣ 51-й.—Всечеловѣческое или, вѣрнѣе, всемужчинское заблужденіе, что женщина и непостоянство суть одно. Мужчины много болѣе заслуживаютъ рекриминацій. — Въ старинныхъ *romances* мысль о невѣрности женщины часто повторяется (Duran, Romancero general, I, ns. 22, 50):

Отлучка моя будетъ краткой,
Да не будетъ такой твоя твердость:
Постарайся, хоть женщина ты,
Быть на всѣхъ другихъ непохожей.

Слову женщины не вѣрить,
Слово женское—пушинка,
Въ быстромъ вѣтрѣ пухъ летящій
Или надпись на водѣ.

Другіе *romances* болѣе вѣжливы (ib., 25):

Справедливо ты промолвилъ—
Низки женщины. Однако
И весьма онѣ различны,
Какъ солдаты подъ ружьемъ.

И еще:

Всѣ дурныя—невозможность,
Всѣ хорошія—нельзя.
Травы есть, что жизнь даруютъ,
Травы есть, въ которыхъ смерть.

Къ пѣснѣ 54-й.—Разнопѣвность:

Чтобы тебя я полюбила,
Должна семь разъ я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю я,
Люблю любить, тебя любить.

Ненависть и презрѣніе.

Къ пѣснѣ 5-й.—Испанки очень любятъ ходить къ обѣднѣ.

Такъ что уйти изъ церкви, когда тамъ можно было бы еще быть, для Испанки дѣйствительное лишеніе.

Къ пѣснѣ 8-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 93, 7):

Обманщикъ, да позволитъ Небо,
Чтобъ заплатилъ ты за обманъ,
И чтобъ тебѣ, когда полюбишь,
Любовь была бы не вѣрна.

И еще:

Неблагодарный, да свершится,
Что ты за это зло заплатишь,
Чтобъ тотъ, кому ты очень вѣренъ,
Тебѣ бы очень измѣнилъ.

Къ пѣснѣ 9-й. — Во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ выражается ненависть и презрѣніе возненавидѣвшей женщины, гораздо болѣе тонкости, остроумія, находчивости и настоящей змѣиной злости, нежели въ словахъ мужчины, которые почти всегда элементарны и, во всякомъ случаѣ, являютъ мало изобрѣтательности. Можно подумать, что, побывъ вмѣстѣ съ мужчиной, женщина не только научается мужскимъ, по-мужски твердымъ, мыслямъ, но и вовсе похищаетъ его мужской умъ, и, отточивъ свою нѣжность, превращаетъ ее въ остріе ненависти.

Къ пѣснѣ 51-й.—Разнопѣвность:

То и дѣло все твердишь мнѣ—
Умираю, умираю.
А умри, тогда увидимъ,
И тогда скажу я: да.

Къ пѣснѣ 66-й —Разнопѣвность:

Ахъ, Марія, не по вкусу
Ни одинъ тебѣ мужчина!
Короля, быть-можетъ, хочешь?
Ихъ въ колодѣ картъ четыре.

Франсиско Родригесъ Маринъ, которому нельзя не вѣрить, говоритъ объ Испанскихъ пѣсняхъ ненависти и презрѣнія (*Cantos Populares Españoles*, t. III, p. 283),

что значительное число пѣсенъ, выражающихъ ненависть, суть порожденія расы Гитанъ, особливо тѣ, въ которыхъ изобличается душа низкая и мысль трусливая и предательская. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что число *coplas de odio* (пѣсенъ ненависти) незначительно въ сравненіи съ пѣснями, посвященными другимъ чувствамъ. Объясненіе этому дается одной народной Испанской пѣсней:

Кто воистину любитъ, забываетъ тотъ поздно,
И хотя бы забылъ, не начнетъ ненавидѣть;
И увидѣвши то, что любилъ онъ любовью,
Снова любитъ, едва лишь къ нему обратится.

Колыбельныя пѣсни.

Ни у одного Европейскаго народа нѣтъ такихъ изящныхъ и нѣжныхъ, тонко-воздушныхъ колыбельныхъ пѣсенокъ, какъ у Испанцевъ. Странно думать, что именно въ Испанскомъ національномъ темпераментѣ, — въ его историческомъ прошломъ, — такъ много жестокаго и темнаго. Какъ истинно-страстные люди, Испанцы во всемъ доходятъ до крайности и предѣльности, и если чрезвычайно жестоки ихъ завоевательные набѣги, исключительно-нѣжны кроткія состоянія Испанской души. Нужно еще замѣтить, что ни одинъ, кажется, народъ въ Европѣ не испытываетъ такой нѣжной любви къ дѣтямъ, какъ именно Испанцы. Ни въ одной странѣ, во время многочисленныхъ моихъ путешествій, я не видалъ, чтобы взрослые, не только женщины, но и мужчины, выказывали такую заботливость и ласковость къ дѣтямъ. Грубой же сцены съ дѣтьми я не видѣлъ въ Испаніи ни разу,

хотя изъѣздилъ Испанію изъ конца въ конецъ и бывалъ въ ней многократно.

Припѣвы „Эа-ля-эа“, „Эа-ля-ро-ро“, „Эа-ля-нана“ играютъ въ Испанской колыбельной напѣвности ту же роль, какъ у насъ припѣвъ „Баюшки-баю“, „Баюбай“, „Баю-баю“.

Пѣсенки 26-я и 27-я нуждаются въ поясненіи. Испанское преданіе гласитъ, что святой Іоаннъ Креститель весьма любитъ небесные шумы. День его, 24 іюня, праздновался шумными торжествами, на это указываютъ громовые раскаты, обычно совпадающіе съ даннымъ временемъ. Во избѣжаніе подобной сумятицы, Господь заставляетъ его спать три дня безъ перерыва, считая съ кануна Иванова дня. И святой не можетъ такимъ образомъ праздновать свой день, ибо, когда просыпается, онъ уже прошелъ. Въ области Бадахоса есть соотвѣтствующая поговорка:

Когда бы святой Іоаннъ
Праздникъ свой зналъ,
Тогда бы, въ весельи, святой Іоаннъ
По всѣмъ небесамъ громыхалъ.

Или еще:

Тогда бы онъ небо съ землей
Сочеталъ въ напѣвъ громовой.

Въ нѣкоторыхъ Андалузскихъ селеніяхъ его называютъ безпокойнымъ.

Ивановъ день и Иванова ночь во всѣхъ Европейскихъ странахъ связаны съ цѣлымъ рядомъ примѣтъ и обычаевъ. Русскіе говорятъ, что на Ивановъ день солнце на всходѣ играетъ. Сербы говорятъ: на Ивановъ день солнце на небѣ трижды останавливается. См. интересную книгу — *А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и при-*

мѣтахъ. Т. I. Всенародный Мѣсяцесловъ. С.-Петербургъ. 1901 года.

Въ пятомъ томѣ своего собранія *Испанскихъ Народныхъ Пѣсенъ* Маринъ приводитъ, въ примѣчаніяхъ, интересную литургическую драму, столь же нѣжную, сколь краткую.

Мавританскій царь и Христіанка.

1.

(У Мавританскаго царя была плѣнница, которая пѣла, покуда спалъ ея ребенокъ):

1-й голосъ. Когда дѣткой была я,
Въ лугахъ я гуляла,
За мотыльками
По лугамъ убѣгала.
Когда дѣткой была я,
Въ лугахъ я блуждала,
За мотыльками,
Какъ они, я летала.
Въ лугъ я ушла,
По травѣ я пошла,
Розы тамъ сѣя.
Шипы собрала.
Эа! эа! эа!
Не такъ ужь дурна я лицомъ.
А если дурна я, скажу, не робѣя:
Такъ да будетъ, и дѣло съ концомъ.
Эа! пою я, усталая.
Если дурна я, какое же дѣло вамъ въ томъ?
Сóнъ тебя, дѣточка, сонъ подкрѣпи.
Спи, мое дитятко малое,
Спи.

(Царь, который слушалъ, отвѣчаетъ):

2-й голосъ. Люблю тебя, дѣтка моя,
Люблю тебя, спи.
Больше люблю, чѣмъ цвѣточки, что вѣтеръ
Колыбелитъ весной на степи.
Больше, чѣмъ звоны ручья,
Что поетъ: „Торопи же себя, торопи".
Я люблю тебя, дѣтка моя,
Спи.
И меня полюби.
Какъ цвѣточки, тебя я люблю,
Прошепчи мнѣ сквозь сонъ: „Вотъ я сплю".
Сонъ тебя, сонъ подкрѣпи,
Дѣточка, спи.
Какъ ручей, тебя я люблю.

1-й голосъ. Я назареянка,
Была назареянка.
Разъ назареянка,
Не для тебя я.
У Дѣвы Пречистой,
У Дѣвы Лучистой
Такъ дремало Дитя засыпая.
И Дѣва, вздыхая,
И Дѣва Святая,
Дремала она, засыпая.
На горѣ на Голгоѳской
Были вѣтви оливы.
Были птички среди вѣтвей.
Кровь Христа утишали,
И въ вѣтвяхъ распѣвали
Четыре щегленка и одинъ соловей.

2.

1-й голосъ. Ты бѣлая голубка,
Ты бѣлая какъ снѣгъ,
Сядь у рѣки и испей.

2-й голосъ. У меня сизыя крылья,
Крылья какъ ирисы,
Темныя въ лазурности своей.

1-й голосъ. Бѣлая голубка,
Иди со мной.
Крыло у тебя ранено
Острою стрѣлой.
Бѣлая голубка,
Иди со мной.

2-й голосъ. Не крыло мое ранено,
А душа пронзена,
Оттого эта алая
Кровь здѣсь видна.

1-й голосъ. У тебя сизыя крылья,
Крылья какъ ирисы,
Бѣлая голубка,
Иди со мной.

2-й голосъ. Я одна-одинешенька,
Я одна здѣсь пою,
Безъ дружка, безъ любови я,
И въ чужомъ я краю.
Я одна-одинешенька,
Я одна здѣсь пою.

1-й голосъ. Замолчи, о, голубка,
Я плачу съ тобой.
Ты ранишь мнѣ сердце
Своею мольбой.

Я дамъ тебѣ крылья,
Чтобъ ты легкой была,
Чтобъ на вольную волю
Улетѣть ты могла.

„Испанскія Колыбельныя Пѣсни“, „Nanas ó coplas de cuna“, родственны по тону съ „Дѣтскими Пѣсенками“, „Rimas Infantiles“. Эти дѣтскія пѣсенки связаны съ различными дѣтскими играми, подобными нашимъ играмъ въ прятки, въ жгутъ, въ четъ и нечетъ, въ горѣлки. Привожу нѣкоторыя.

1.

Кто даетъ, кто даетъ,
Прямо въ рай пойдетъ.
Кто даетъ и вновь отниметъ,
Адъ его охотно приметъ.

2.

Поцѣлуйчикъ, разъ.
Поцѣлуйчикъ, два.
Поцѣлуйчикъ, три.
Поцѣлуйчикъ, гдѣ?

3.

Мотылекъ, мотылекъ,
Словно розовый цвѣтокъ,
Ты на свѣчкѣ и готовъ.
Сколько стало мотыльковъ?

4.

Бабочка крылатая,
Быстро-тароватая,
На свѣчку попала.
Сколько бабочекъ стало?

5.

Мотылечекъ, мотылекъ,
Роза съ головы до ногъ,
Былъ крылатъ, и былъ ты смѣлъ,
Вотъ на свѣчку налетѣлъ.
— Мотылечекъ здѣсь?—Я здѣсь.
— Ишь ты, какъ нарядeнъ весь.
— Рубашонокъ сшилъ?—А вотъ.
— Ну, теперь начнемъ мы счетъ.
Сколько сшилъ?—Всего одну.
— Это значитъ на луну.
— Цѣлыхъ двѣ.—Для солнца.—Три.
— Ну, сочти ихъ—и бери.

6.

— Сестрица лягушка!
— Что надо, подружка?
— Гдѣ мужъ твой изъ водъ?
— Явился и ждетъ.
— Нарядeнъ ли онъ?
— Какъ свѣжій лимонъ.
— Къ обѣднѣ пойдемъ?
— Не знаю я, въ чемъ.
— Пойдемъ подъ конецъ.
— Замкнулся ларецъ.
— Такъ пить! Гдѣ вода?
— Жбанъ скрылся. Бѣда!

7.

Золото.
Се́ребро.
Мѣдь.
Ничего.

Изъ колыбельныхъ пѣсенъ другихъ Европейскихъ народовъ особенною нѣжностью отличаются Финскія колыбельныя пѣсни (одну изъ нихъ читатель найдетъ въ моей „Литургіи Красоты“) и Польскія „Колысанки“. Привожу нѣсколько польскихъ баюканій („Pieśni Ludu“. Zebral Zygmunt Gloger. W latach. 1861 — 1891. W Krakowie. 1892).

1.

Люляй, ой люляй,
Спрячь черныя очи,
А очи закроешь,
Спи до полночи.

2.

Колыбелька, качайся
Отъ стѣны до стѣны.
Спи, мой розовый цвѣтикъ,
Спи, такъ розовы сны.

3.

Не пой, пѣтушокъ, ты не пой,
Марысю мою не буди,
Малая ночка была,
Мало Марыся спала.

4.

Скотинка, далечко
Не отходи,
Вѣдь я не пастушка,
Я малая дѣтка.

Въ народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ особенно трогательна та, повторяющаяся у разныхъ народовъ, черта, что, напѣвая убаюкивающую пѣсенку ребенку,

взрослый поющій превращается самъ въ дитя. И кажется, что это гдѣ-то въ міровомъ пространствѣ затерянная душа, одна-одинокая, безпомощная, беззащитная, обращающаяся съ полусонной мольбой къ Невѣдомой Силѣ. И словно слышенъ полувнятный стонъ: „А слышатъ ли меня?“ Какъ колыбель похожа на гробъ, такъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ есть всегда запредѣльная смертная грусть. Да вѣдь и сонъ похожъ на смерть, и что же есть смерть какъ не сонъ, черезъ который мы пробуждаемся въ настоящую дѣйствительность?

Изъ всѣхъ колыбельныхъ пѣсенъ, которыя, на какомъ-либо языкѣ, мнѣ приходилось читать или слышать, мнѣ кажутся наиболѣе совершенными и безсмертными по своей озаренности двѣ—одна Испанская и одна Русская.

Онѣ обѣ красивы, какъ цвѣтокъ, обрызганный росой. Испанская:

Спи, мое дитятко, спи,
Нѣтъ твоей матери дома,
Пречистая Дѣва Марія
Взяла ее въ домъ свой служить.

И Русская „Богъ тебя далъ, Христосъ даровалъ“. Воспроизвожу ее изъ книги *П. В. Шеина*, *Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ. Спб. 1898.*

Богъ тебя далъ,
Христосъ даровалъ,
Пресвятая Похвала
Въ окошечко подала,
Въ окошечко подала,
Ивачомъ назвала:
Нате-тко,
Да примите-тко.

Ужь вы, нянюшки,
Ужь вы, мамушки,
Водитеся,
Не лѣнитеся.
Старыя старушки,
Укачивайте.
Красныя дѣвицы,
Убаюкивайте.
Спи-се съ Богомъ,
Со Христомъ.
Спи со Христомъ,
Со ангеломъ.
Спи, дитя, до утра,
До солнышка.
Будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя.
Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по избѣ.
Сонъ-то говоритъ:
„Я спать хочу“.
Дремота говоритъ:
„Я дремати хочу“.
По полу, по лавочкамъ
Похаживаютъ,
Ванюшкѣ въ зыбочку
Заглядываютъ,
Заглядываютъ —
Спать укладываютъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 40 коп.